

Дюков Г.М.

Хрущевка

Григорий Дюков

Хрущевка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68912952

SelfPub; 2023

Аннотация

2007-й год. Молодой студент Московского университета Лёша Жданов живёт в старой разваливающейся хрущёвке, экономит на еде, засыпает под ругань соседей и гуляет по городу зимними вечерами. В один момент ему выпадает шанс изменить свою жизнь: двухмесячная поездка в Таллин, столицу европейского государства, которое так отличается от серых будней. Но не всё так просто: денег на путешествие нет, он на грани отчисления, а ещё и армия дышит в спину. Лёше придётся пройти испытания на прочность в любви, дружбе, работе и целеустремлённости, чтобы не только оказаться в другом мире, но и найти своё призвание в качестве перспективного программиста. Но будет ли оно того стоить, или же его затея – лишь баловство, на которое не стоит обращать внимания?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Григорий Дюков

Хрущевка

Глава 1

Будь моя воля, я бы не просыпался вообще. Обычно, когда встаёшь по утрам, чувствуешь себя живым мертвецом: голова толком не соображает, глаза слипаются, нет сил, чтобы встать. Всё какое-то мутное, неживое, словно в каком-то вакууме находишься и не можешь понять, что должен чувствовать. И должен ли вообще? Приоткрыв глаза, я, как всегда, увидел пустой белый потолок, покрытый потрескавшейся штукатуркой, и небольшое пятно плесени в углу комнаты. Центр потолка украшал большой хрустальный шар с розочками и снежинками, на дне скопилась копоть с пылью, закрывающая обычную цокольную лампочку. Освещение от лампы всегда было тусклым, но теперь оно и вовсе потеряло смысл. С потолка капало: глухой чёткий звук падающих на дешёвый паркет капель раздавался по четыре-пять раз за пару минут. Подушка пахла потом. Мизинцем нащупав небольшую дырку в пододеяльнике, я расковырял её ещё сильнее и перевернул одеяло. Утренний холод, выходявший из коридора, ласково касался торчащих пяток. Укутавшись сильнее, я поджал ноги к телу и зажмурил глаза, пытаюсь

вернуться в свой сон или, по крайней мере, вспомнить его. Ненавижу такое состояние, когда проснулся не до конца, но уже и не спишь. И что, спрашивается, мне делать, если я не могу ни встать, ни заснуть? Стена с драными зелёными обоями казалась уже привычной. Нежный салатовый цвет давно выгорел и стал напоминать скорее окраску мусорок во дворах. Узоры давно перестали смотреться гармонично, виднелись яркие полосы от царапин, оголяющие белые стены. Один из прорезов был на уровне моей кровати. Получился бы отличный тайник для секретных записок!

Я услышал, как медленно, но очень громко проехала за окном машина. Сначала мотор нарастающе ревел вдали от подъезда, затем колёса чиркнули об асфальт и встали на лёд, раздался звук выпавшей детали, дальше – удар! Хлопок двери, шаги по снегу, крики, обвинения в сторону “крашеной блондинки” и, наконец, вонзание лопаты в сугроб, домофон, открывающий дверь. “Чё, Сергеич, опять в сугроб врезался?” Тяжёлый вздох, “Ты вместо того, чтобы ёрничать, лучше бы помог, лодырь!”, “Раз, два, взяли!”...

Глаза были сухими, когда я протёр их руками. Хотелось лежать на спине вечно, но нужно было начинать этот день. Я сел и свесил ноги на шершавый паркет, с которого давно сошел весь лак. Кровать скрипнула подо мной. След от кофе на стене возле рабочего стола, едва различимый за бумагами и пустыми упаковками Ролтона, напоминал какую-нибудь экспозицию современного художника. Будь пятно на холсте –

смотрелось бы красивой. В комнате не было ничего чистого. Тут не делали уборку аж с 2002, а про ремонт – вообще молчу. Старый пыльный плед, свернутый в рулон, советский сервант с тонкими ручками, старые кассеты для видеомагнитофона, куча хроники... Да мои разбросанные вещи выглядят более опрятно. Жаль, квартира не моя: давно надо тут навести порядок.

В квартире было настолько холодно, что бежевые шторы с розочками слегка окаменели. Я взъерошил волосы, крепко зевнул и начал собираться. Белые носки, лежавшие под стулом, были дырявыми, но от них воняло меньше всего, чего не скажешь о моих чёрных пятках. В углу кровати лежала одежда. Мятая старая майка с рисунком из московского зоопарка... Даже не знаю, что на ней было нарисовано. Я её надел, расправил (надо же быть похожим на человека, идя в институт), а затем взял со стула широкие тёплые джинсы, которые не мог носить без ремня: слишком большие.

Пока одевался, замерз настолько, что зубы начали стучать. Кинув портфель на кровать, хотел собраться, но отвлёкся и выглянул в окно. Под угрюмым тёмно-серым небом хрущёвки выглядели особенно потрепанно и печально, словно собрание стариков на поминках российской действительности. Облезлая коричневая краска, бросающиеся в глаза красные кирпичи, дешёвые хрупкие стёкла, тонкие жёлтые трубы с газом, тянущиеся к крышам. Огромные сосульки с лёгкостью могли убить человека, но кому какое дело? Крыша, уве-

рен, где-то да протекает, ведь качество домов, подобных моему, частенько хромает. Начиналась метель, маленькие хлопья снега ложились вдоль улиц, застилая пешеходные дорожки. На площадке играли дети. Один мальчишка, одетый в синие вельветовые штаны, жёлтую шапку с помпоном и красные варежки, делал снежного ангела, искренне смеясь и наслаждаясь процессом. Девочка была в розовой куртке, а из-под капюшона выглядывали две тёмные косички. Скатившись с горки, она подняла руки и помахала маме, сидевшей на лавочке. Все улыбались.

Среди всей дорогой техники именно старый советский чайник, походивший на музейный экспонат, кипятил воду лучше всего. Пар от горячего чая двигался волнами вверх. На льняной скатерти образовалось очередное круглое пятно. Напиток был крепким и горячим. Будь он ещё сладким, было бы вообще замечательно. В холодильнике стоял ужасный запах, и не из-за испортившихся продуктов, а из-за его возраста. Зато в морозилке были пельмени, но они хранились на экстренный случай, а в нижнем ящике находилась аптечка. Правда, единственное, что я мог взять оттуда и применить по назначению – бинт и активированный уголь. К остальным препаратам нужно было внимательно читать инструкцию. У старой плитки, стоявшей возле деревянного стула со спинкой, висел пакет с пакетами, рядом с которым лежала целая куча непонятных вещей: походные клетчатые переездные сумки, которые остались с маршрута “Пермь – Москва”,

потрёпанные сапоги, кожаная куртка, из кармана которой торчал билет на электричку, спортивная олимпийка синего цвета с белыми полосками вдоль швов, балетки сорок второго размера... Виднелся даже рукав свадебного платья – всех вещей не перечислить. Они были наложены друг на друга большой кучей, можно было хоть домашнюю свалку организовывать. Вещи никому не были нужны, но и выбрасывать их было жалко. Вдруг что-нибудь пригодится рано или поздно?

Отставив в сторону кружку с плавающими на дне чайными листьями, я стал глядеть в окно на солнце, которое едва-едва проглядывалось сквозь тучи. Затем я услышал шум из коридора, и на кухню вошел мой сосед Матвей – невысокий темноволосый парень двадцати пяти лет. Вьющиеся локоны падали ему на глаза, скрывая небольшую родинку под левым уголком рта. Лоб у него был округлый, нос прямой, подбородок острый, глаза тёмные, губы строгие и вытянутые, веки из-за зимней сессии были опущены. В общем, лицо человека, который позовёт тебя играть в хоккей палками и консервной банкой, а затем будет учить, как правильно это делать. Несмотря на низкий рост, он выглядел достаточно подтянуто: широкие плечи, в меру мускулистое телосложение, уверенность в каждом движении. Одет Матвей был в белую майку без рукавов, из-под которой на груди выглядывали тёмные волосы и металлический крестик. Из кармана серых спортивных торчала газовая зажигалка для плиты, а чёрные трикотажные носки, купленные на рынке, дополняли

образ типичного добряка, который и гвоздь в стену забьёт, и машину починит. Он подвинулся к столу и тяжело выдохнул. Его взгляд был направлен в пустоту. Было видно, что его что-то беспокоит.

– Чай? – Я протянул ему кружку.

Он посмотрел на меня, молча кивнул, перевел взгляд на стол, затем взял кружку с чаем, потряс ею и отставил в сторону. Видеть Матвея Полянского без улыбки мне было жутко непривычно.

– Ты чего такой кислый?

Он будто не замечал меня. Хотя я и не любил, когда Матвей постукивал пальцами по столу, но по грустному выражению его лица я понял: что-то случилось. Но затем, моргнув, он откинулся на стуле, сел более вальяжно, закинул обе руки за голову, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и на выдохе сказал:

– Да так, мелочи беспокоят... Не заморачивайся, Лёх.

Он стукнул по столу, взял в руки кружку и плеснул в нее ещё кипятка. Чай для меня был обжигающе горячим, но Матвей пил его как лимонад “Буратино” в жару: быстро и в один подход. Он уставился на мой открытый рот.

– Ты... Ты как можешь его пить? Кипяток сплошной, ещё и с накипью!

Матвей лишь пожал плечами и продолжил пить, а через минуту перед ним уже стояла пустая кружка, а сам Матвей вытирал рот рукой.

– Слушай, кинь мой рюкзак.

– А где он? – я обернулся кругом.

– Да вон висит.

– Где?

– Да вот же.

– Скажи прямо, я не понимаю.

– Мда, обделили тебя зрением. На ручке. Дверная ручка.

Я взял чёрный рюкзак. На вид он был дорогой, а на ощупь тяжёлый. Один из боковых карманов был сетчатым, молнии шли туго, а на левой лямке был напечатан логотип неизвестной компании. Матвей молниеносно расстегнул рюкзак и, засунув в него руку по локоть, начал рыться. Когда же поиски прекратились, я почти в голос засмеялся.

– Серьёзно?

– Чё такое?

– Зачем тебе вообще фонарик?

На столе появился небольшой чёрный ящик с инструментами и жёлтый фонарь с резиновой чёрной кнопкой. Матвей открыл линзу.

– Хочу проверить, работает он или нет.

Перебирая различные инструменты, он достал маленькую крестовую отвёртку и стал откручивать болтик за болтиком, складывая их в пустую кружку.

– Каждому человеку нужен фонарик. Мало ли, в гараже найти что-то или в лесу дорогу отыскать. К тому же – на “Горбушке” его взял. Хороший, надёжный, дешёвый. Поче-

му бы и не купить?

Вытаскивая аккумулятор, он заменил его другим, после чего начал вылавливать из кружки болтики и вкручивать их обратно, а потом убрал отвёртку в ящик, закрыл его и положил в рюкзак, лежавший возле ноги.

– Звучит вполне логично... Но зачем таскать с собой походный фонарь в портфеле? И инструменты...

Он осуждающе посмотрел на меня.

– Да у каждого механика обязан быть фонарь и набор инструментов! Мастер без фонаря – это как... Как... Как повар без половника! Во как.

Он закрутил линзу и подёргал выключатель, направив его в стену. Луч желтоватого света был ярким, а Матвей улыбнулся, нахваливая себя. Затем он убрал его поглубже в рюкзак, застегнул молнию и отложил в сторону.

– Как с поиском работы, бездельник?

От стыда я отвёл взгляд на свои носки.

– Ясно. Поищу объявления в газетах. “Ищу новую квартиру” или “Ищу нового соседа”. Это что, так сложно? А доска объявлений на что? Либо с друзьями из универа поговори, поспрашивай там.

– У меня их не так много. – улыбнулся я.

– Ну, значит самое время завести. – Матвей тут же прочитал мои мысли. – И нет. Никаких вписок и точка.

– Ты ведь сам сказал...

– Мне напомнить про новый год 2006-го? Деньги пропали,

еду съели, а я целых две недели убирал тот бардак.

– Я тогда даже не заселился.

– И слава богу! Как вспомню... Короче, ищи работу всеми способами, и без гостей дома.

– Это непросто...

– Вот, вот даже не буду тебя слушать. Почему дядя Миша, алкоголик с пятого, нашёл работу дворника и метёт себе у пятнадцатого детского сада на Малой Пращской, а Алексей Жданов, студент РГГУ, вот не может найти работу, а? Вся Россия может, а Жданов – нет.

– Это же РГГУ! – я улыбнулся и демонстративно развёл руками. – “Мы учим чему-то, а чему – никто не знает”. Почти официальный слоган.

– Чего?

– Девиз.

– А-а-а, так выражайся чётче. А то слово какое-то странное: “сло-ган”. И потом, это не оправдание, – он посмотрел на меня с укором. – Ты ищешь повод, чтобы не работать, – я хотел возразить, но Матвей меня перебил, тыча пальцем. – Говори, что хочешь: чтоб твоя доля за квартиру была на лапе к воскресенью. Подставляешь, друг. Не надо так.

Матвей выпил еще одну кружку чая, поставил ее в раковину и вышел из коридора в мою комнату, предварительно улыбнувшись. С кухни было слышно, как он начал искать что-то, причём очень быстро. Пока я смотрел на узор, украшавший скатерть, Матвей вернулся на кухню, а в руке у него

оказался паспорт в чёрной кожаной обложке, который он положил на стол. Паспорт был пыльным, с загнутым уголком, буквы “р” и “т” почти стёрлись, да и фотография была старой.

– И чтобы без работы не возвращался. Понял меня?

Взглядом мой сосед мог задавить. Он не был злым, угрожающим или недоброжелательным. Это скорее походило на что-то среднее между мамой семиклассника, принёсшего домой двойку, и начальником, который вот-вот подготовит рапорт об увольнении. Одним словом, мириться с моей ленью он был не намерен. Матвей доположил руку мне на плечо.

– Возьмись за голову, оболтус.

Похлопывания звучали как стук судейской киянки о стол. Тяжело вздохнув, он дал мне небольшой подзатыльник и ушёл к себе в комнату. Как только я посмотрел на паспорт, в моей голове начался самый настоящий спор. И почему я не мог быть сыном какого-нибудь депутата, воровавшего в 90-е, или хотя бы русских мигрантов в Канаде? Такое чувство, будто судьба прямо обращается ко мне: ну, смотри, Алексей, судьба твоя проста! Родишься ты в семье учителя и повара школьной столовой, но ближе к двенадцати ты переедешь в Москву, а дальше – вертись как хочешь. С другой стороны, не буду же я всю жизнь сидеть за столом, пить чай и грызть замороженные пельмени. Решено! Я ударил по столу (не знаю, зачем), взял паспорт и сунул его в карман джинсов. Пора собираться.

Чёрная куртка с внутренним карманом согревала меня уже третью зиму подряд. Куртка была импортной, навороченной! Знак какой-то американской фирмы на левом предплечье мне не был знаком, зато мне очень нравился её капюшон с меховой подкладкой, который закрывал от ледяного ветра, настигнувшего меня сразу же, как только захлопнулась шатающаяся дверь подъезда. Перчаток у меня, увы, не было, так что руки держал в карманах, куда влезла бы и краденая пицца из школьной столовой. Круглая такая. А вот как мне использовать два нагрудных – не могу сказать. Но лучше пусть будут. Вдруг пригодятся? А вот ботинки были не самого лучшего качества. Три пары старых носков были единственной причиной, почему я прогуливался по холодным улицам, а не бегал от одной маршрутки к другой.

Под чёрной от выхлопных газов слякотью и грязью виднелась дорога. Только опытные автолюбители могли срезать дворами, не застревая при этом в ямах. В начале недели никто на них не обращает внимания, но в пятницу, так или иначе, кто-нибудь да выталкивает компанией старую “девятку” или “шестёрку”.

Я вышел из дворов, и передо мной открылось место, откуда можно было начать поиск работы. Советское круглое невысокое заснеженное здание из серого камня с грязными стеклами и тяжелыми деревянными дверями. Конечно, это было метро, из которого люди выходили потоком. Рядом на круглой металлической плите висел бело-синий знак, а сле-

ва – расписание автобуса номер 217. Несколько бабушек в тёплых шубах сидели на лавочке и что-то обсуждали. Ставлю полтос – говорили о политике. Поток из метро продолжал поступать, и большая часть людей из этого потока двигалась в сторону остановки, пока остальные стояли на улице либо уходили в другую сторону. В двадцати метрах от меня стоял прямо напротив входа в метро, переминаясь с ноги на ногу, “герой-романтик нашего времени”: пацан, лет шестнадцати, был одет в потрёпанный пуховик, носил очки, где линзы были размером с телескоп обсерватории, на руках – красные варежки, чёрные туфли, широкие офисные брюки, причём штанины были по колено в слякоти. Очки запотели, щёки покраснели, а пуховик явно ему был “на вырост”. Но самое интересное – в руке он держал маленький газетный кулёк, в котором был букет из пяти или семи гвоздик. Меня это очень рассмешило и в какой-то степени тронуло. Пройдя сквозь толпу, я вышел на огромное пространство для парковки, которое было забито торговыми рядами. Парковка походила на настоящий муравейник, где каждый суетится и спешит. Звук базара ни с чем не перепутаешь: постоянные крики, зазывалы, машущие руками. Кто-то из покупателей пытался сбить цену, утверждая, что огурцы не свежие. Прилавки походили на небольшие белые шатры с голубой полоской, на переносных шатающихся столах лежали пластиковые ящики с товарами, а перед ними – куски картона, где чёрным маркером было написано, что и по какой цене продаётся. За прилавка-

ми все продавцы походили друг на друга: серая куртка, чёрная шапка, синий фартук с белыми лямками и небольшая поясная сумка из дешёвой кожи, где хранились деньги. Если смешать запахи рыбы, мяса, овощей и выхлопных газов автомобиля, получится такой аромат, что повеситься можно. На рынках давно было много народу, ещё с перестройки, ибо кушать хочется всем. Не важно, сколько морщин у тебя на лице, во что одет или насколько здоров: хочешь дешёво и сытно поесть – иди на рынок. Когда я шел по торговым рядам, меня всё время толкали и пихали. Становилось очень тесно, пришлось самому расталкивать всех руками, чтобы пройти вперёд. Слякоть под ногами, снег на шапках, кругом непрерывные крики, сливающиеся в гул... Давка была страшной, но терпимой. Заносило меня от ларька со сладостями до свитеров и обувных коробок, учитывая, что я просто прогуливался. Я давно перестал ориентироваться: в толпе меня сильно раскрутило, а кроме спин я не видел ничего, даже ближайших домов. Временами казалось, что я буду затоптан заживо покупателями или, по крайней мере, оглохну до конца жизни, но всё обошлось. Я смог ухватиться за металлическую трубу одного из прилавков, ловким движением руки подтянулся к нему и вышел из людского водоворота.

– Молодой человек, возьмите говядину! Сто сорок пять рублей за килограмм, – отвлёк меня от мыслей крупный продавец в коричневой шапке с большими густыми чёрными

усами, смугловатой кожей и широкими бровями. Возле левого уголка рта у него была какая-то линия, похожая на шрам. Говорил он с небольшим акцентом, но понятно.

Я посмотрел на него, затем взглянул на мясо и начал поглаживать пальцами подбородок, склонившись над полкой. Продавец явно занервничал:

– Слушай, ты же себе не жену выбираешь! Отдаю за сто тридцать.

Я перевёл взгляд на продавца, затем снова на мясо. Оно, кстати, выглядело весьма хорошо. Увесистый красный кусок с небольшими белыми волокнами, тянущимися словно река на карте. Он был настолько здоровым, что мог упасть с прилавка прямо в ноги прохожим.

– Ай, шайтан, что ты со мной делаешь! Сто пятнадцать рублей! Последнее слово.

– Свежайшее? – ехидно подметил я.

– Мамой клянусь!

– Извините, я здесь не для покупок.

Продавец плюнул под ноги и что-то пробубнил себе под нос, явно не от большой любви.

– А вы не знаете, где тут можно работу найти?

– Ой, брат, это тебе надо у других спрашивать. Хотя...

Продавец поманил меня пальцем, смотря при этом в глаза. Мне стало любопытно, и я подошёл к нему поближе, обойдя прилавок.

– Слушай, племянник Гоги сегодня на работу не вышел.

Представляешь, я уже начал всё выставлять, аккуратно положил говядину, свинину, курицу, посмотри! А он мне такой звонит, говорит: “Дядя Вазген! Не могу приехать, учеба”. А я ему говорю: “Какая учёба, Гоги? Обещал мне, на коленях клялся, что поможешь с мясом! Ну и какой ты мужчина, если слово не держишь?” А он мне...

– Извините... – мне было неловко его перебивать, поэтому я слегка дёрнул его за рукав. Он посмотрел на меня и сбавил горячий пыл.

– Короче, можешь тут пару минут постоять? Ненадолго. Мне буквально в дом сходить, вон там, за углом! – он указал рукой на арку внутри панелек. – А ты тут постоишь, постоишь.

Я был в шоке.

– Как постоишь?!

– Да что в этом сложного, дорогой? Просто стоишь, на людей смотришь, говоришь “сто сорок пять рублей за кило”, взвешиваешь, упаковываешь, улыбаешься, забираешь деньги и говоришь “до свидания”, всё! Даже моя внучка справится. А она у меня уже во втором классе.

– А если вы вернетесь, а прилавка и денег не будет?

Вазген положил руку мне на плечо и слегка подвинул к себе.

– Послушай... Как тебя по имени?

– Лёша.

– Так вот, Лёша: я не первый день по свету хожу, и в людях

разбираюсь как в мясе. Глаз орла, походка гордой птицы. Вот по тебе сразу видно, порядочный мальчик.

Вазген слегка потрепал меня по голове, моментально схватил куртку со стула и скрылся в толпе, оставив меня наедине с прилавком, крикнув вслед – “Не подведи меня, Лёша!”.

– Мальчик, сюда посмотри!

Женщина в ярко-красной шапке из меха с жутким макияжем – розовые тени, подпудренные щеки и помада цвета граната – поманила меня пальцем с недовольным, нетерпеливым лицом. На руке у неё было дешёвое обручальное кольцо. Кожаные, слегка облегающие лосины, длинные сапоги на высоком каблуке, белая шуба из хорошего по качеству меха. Забавно, что женщина хотела быть эпатажной, но на деле просто безвкусно одевалась, как и остальные.

– Мальчик, я к кому обращаюсь? Почём килограмм?

Я подошёл поближе, чтобы посмотреть на вырванном из тетради листке цены, но потом понял, что можно поступить хитрее. Аккуратно накрыв рукой картонку с ценой, я гордо произнёс:

– Двести рублей за говядину, сто семьдесят пять за свинину.

Женщина с клоунским макияжем покраснела, глаза стали огромными, щёки вздулись, а рот от удивления почти полностью открылся.

– Сколько?! Да это настоящий грабёж! – она потянулась

к прилавку и, схватив в руки кусок в два кило, начала им размахивать. – Это мясо только собакам можно дать, и то из жалости! Откуда такие разорительные цены?!

– Если вы не хотите платить – положите пожалуйста товар.

Мне так нравилось её злить, не знаю почему, но меня это очень веселило.

– Я не стану платить такие деньги за обычный...

– Позвольте мне его взять.

Её удивлённый взгляд и искреннее непонимание ситуации разогрели во мне настоящий азарт. Вопрос “а смогу ли я зайти ещё дальше?” добавлял любопытства. Меня всего распирало. Немного погодя она неуверенно, с осторожностью вложила мне говядину в руку. Я стал рассматривать кусок мяса под углом, вертеть из стороны в сторону, проверять на упругость и даже слегка попробовал. Женщина смотрела на меня, будто ждала реакции. Я сыграл как актёр театра Чехова: моё лицо изобразило настоящее восхищение. Кусок мяса стал идиллией, а через прищур я смотрел на её ответную реакцию. Заметил слева от меня пачку бумаги с бечёвкой и быстро упаковал кусок, даже не взвешивая.

– Вы что делаете? Я не сказала, что буду покупать!

– Скажите, а вы часто готовите?

Было видно, что эти слова её задели. С таким ярким макияжем и длинными ногтями ни одна домохозяйка не ходит, и она это знала. Может, я и ошибался, но по этой даме точно нельзя было сказать, что она отлично готовит борщ своему

мужу.

– Ну... а что?

Я свистнул ртом и развёл руками.

– Послушайте, барышня, я стою за прилавком с лета 2005-го, как только школу закончил. Мой дядя Вазген всему меня научил, он говорил мне: Лёша, дорогой, самое лучшее мясо – красное, тяжелое и то, где меньше всего жил. Вы держали его в руках, так?

Она молча кивнула, смотря на то, как я перевязывал свёрток из белой бумаги, где на дне виднелось пятно крови.

– И он был красным?

Женщина снова кивнула.

– И, уж тем более, здесь нет никаких жил. Это – лучшее, что вы можете найти на рынке. Я вам так скажу: дядя Вазген уже припрятал этот кусок для других, особых, я бы даже сказал, постоянных клиентов, – на этом моменте я еле сдержал смех, но продолжил. – Вам я продам его за полцены. Вижу, вы – женщина порядочная, хотите порадовать своего мужа.

Она немного смутилась и покраснела, отведя взгляд вниз. От лести на её лице появилась широкая, но в то же время скромная улыбка.

– Вы так думаете? – кокетливо спросила она.

– Я так знаю, – ловко парировал я.

– Знаете, юноша, у вас природный дар убеждения. Вам бы в политику.

– Не-е-е. Там люди не такие открытые.

Из кармана шубы она достала маленький белый кошелёк на золотистой застёжке, украшенный вышитой розой.

По приходу Вазген был очень сильно удивлён, наблюдая за тем, как женщина протягивала мне двести рублей. Она улыбнулась, взяла свёрток в руки, мило помахала рукой и направилась в сторону метро. Вазген выхватил деньги и стал рассматривать.

– Ой, слушай, как тебе удалось? Я это мясо продать уже дня два не могу!

– Дядя Вазген, накинь процент за работу.

Он посмотрел на меня удивлённо и даже с небольшим укором, но всё же передал мне пятьдесят рублей.

– Держи. Честно заработал. Слушай, если тебе вдруг понадобится работа или ещё чего-то – смело можешь обращаться к дяде Вазгену Тиграновичу. Пригодишься.

Он написал на листке номер телефона, положил мне в нагрудный карман и, хлопнув по нему, снова потрепал по голове. Вазген убрал продукты в ящики и поставил их под стол, затем протёр всё полотенцем и кинул его на спинку стула, отряхнув руки. Я вышел из ларька и отошёл к домам возле рынка. Вода медленно капала с таявших сосулек, на брусчатке была рассыпана крупная соль, по которой ходили прохожие, вдоль домов висели вывески кондитерской, супермаркета, окулиста и почты. Все они были дешёвыми и потрёпанными, у окулиста так вообще одна буква с таблички висела вверх ногами. Облегчение и чувство пространства охвати-

ло и понесло меня прочь от толпы. В руке – пятьдесят рублей одной купюрой и личный телефон Вазгена Тиграновича. Неплохое начало карьеры.

Перед тем, как зайти в магазин, я снова оглядел рынок. Он выглядел куда более бедно, и этому есть причина: самый большой поток людей был с 10 до 14 часов, а сейчас солнце медленно заходило за горизонт. Прохожие уже никуда не спешили и шли прогулочным шагом, разглядывая прилавки с товарами. Продавцы торговались охотно, ведь на рынке всегда была большая конкуренция.

Я купил сосиски с макаронами, и даже сдача еще осталась. Я бы мог, конечно, купить ещё какой-нибудь сникерс или булку с творогом, но решил, что лучше оставлю эти деньги в куртке до лучших времён. На улице становилось холоднее с каждым часом, хоть ветер немного стих. Дугообразные фонари освещали жёлтым светом улицы, создавая настоящую дорожку из прожекторов, ведущую к дому. Хруст снега под ногами добавлял к атмосфере загадочности и даже уюта. Свет в окнах делал мрачные кирпичные коробки не такими уж и мрачными, если задуматься: в каждой квартире своя атмосфера, своя жизнь. Сев на лавочку, я задрал голову вверх, чтобы ловить лицом падающие снежинки. Они опускались медленно, будто кружась в вальсе. Затем неподалеку я увидел детскую площадку со старыми советскими качелями. Они, как и все, были спаяны из железных труб, а само место, где сидели дети, было очень узким, да и вообще, это

была пара деревянных досок, покрашенных в один с трубами цвет. Слева от качелей стояла карусель. Шпана садилась на четыре лавки: держась за поручни, ребята ногами раскручивали себя, отталкиваясь от земли. Я решил сесть на те, на которых надо раскачиваться. Шатаясь взад-вперёд, я непроизвольно чертил ногами на земле две дуги. Болты и гайки издавали режущий ухо скрип, который при движении качелей менял тональность. Кажется, даже в таких вещах, как ржавая карусель, находится мелодия, способная успокоить. Перед глазами была жёлтая труба и свет от фонаря, сквозь который пролетали снежинки, а наверху – чёрное закатное небо. Передо мной была небольшая дорога и припаркованные машины, где-то старые, где-то новые, была даже парочка дорогих иномарок. Виднелась протоптанная тропа, ведущая с площадки к жилым домам.

Пока я качался, снег начал смешиваться с мокрой землёй, становясь коричневым. Снежинки падали мне на лоб и щёки. Вот оно. Обожаю это состояние. Вокруг тебя всё двигается неспеша, своим чередом, либо и вовсе стоит на месте. Нет никакой суматохи, нет чего-то сбивающего с толку, нервирующего или напрягающего. Просто обычная пустая улочка, тишина, хруст снега в ушах и влага на лице. А главное – всё такое естественное, родное. Даже если ты сейчас сделаешь что-то глупое, например, кинешь кирпич в машину или запустишь в небо петарду, разобьёшь окно, то ничего не произойдёт: снег будет идти так же медленно, ночь не сменится

днём, на улицах будет по-прежнему пусто – одним словом, ничего. И в такие моменты я часто у себя в голове ставлю некую печать. Некое завершение этапа, словно ты уже написал в письме всё, что хотел, и когда нечего добавить, тыставишь эту печать и посылаешь конверт с письмом, а кому – неважно. Важно то, что ты прожил этот этап. Он тебя изменил: в лучшую или худшую сторону – не имеет значения, ведь ты не стоишь на месте. Перемены пришли, и ты к ним привык, даже если они незаметны. Снег продолжал падать, машины иногда проезжали мимо площадки, освещая фарами дорогу. Всё вновь стало безмятежным и спокойным. Не могу сказать, что что-то важное сегодня произошло: моя жизнь была слишком скучной для ежедневных приключений. И всё же это не мешало мне уединиться с тишиной. Скрип, скрип, скрип...

Глава 2

Оказавшись в подъезде, я наконец-то начал чувствовать уши. Мне было по-прежнему очень холодно, однако тускло горевшая советская лампочка, висящая на проводе, и окрашенная в зелёный стена вели меня вверх по лестнице вдоль покрытых лаком перил. Мысль о горячем чае давала мне силы, чтобы идти вперёд. Треснувшая плитка на полу покрылась слоем слякоти, и даже коврик при входе, о который я старательно вытер ноги, не сделал подъезд чище.

Уверен, даже на пятом этаже было слышно, что кто-то вошёл в подъезд. Лифты в пятиэтажных домах никогда не строили, но вот пространство для них почему-то оставалось. Позолоченные медные номера квартир висели либо слева от двери, возле звонка, либо прямо на ней. К примеру, дверь, которая была слева от почтовых ящиков: цифры давно стерлись, стали обшарпанными. Теперь это просто кусок металла, который медленно начинает ржаветь. Дверные глазки смотрели друг на друга, будто следя за соседом напротив. Надо бы обратиться в жэк, чтобы сделали ремонт перил: за них просто опасно держаться, и любой дурак может упасть в эту бесполезную “яму”, куда народ любил складывать мусор, но не любил его выносить. По идее, здесь должны были построить лифт, но проект быстро свернули, осталась только открытая шахта. Почтовые ящики висели прямо перед ней:

металлические плоские коробки с небольшими прорезями в три ряда, наполненные письмами, рекламными буклетами и извещениями об оплате ЖКХ. Я достал маленький ключ и открыл почтовый ящик под номером 26. Ключ вошёл легко, а вот сам ящик открывался туго, пришлось надавить у замочной скважины. Раза три дёрнул, но всё равно этот ржавый гроб не хотел открыться. Чуть ли не сломав дверцу, я наконец открыл ящик, и в моих руках оказалось две рекламных листовки.

“ВАМ ОЧЕНЬ КРУПНО ПОВЕЗЛО! С 24 ПО 31 ЯНВАРЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ЛОТЕРЕЕ...”

Я закатил глаза и вздохнул. Сняв в руке глянцевый кусок бумаги, выбросил в коробку для мусора в шахту. Может, второй флаер будет более интересным?

“ЗА ТЕХНОЛОГИЯМИ – БУДУЩЕЕ! НАБИРАЕМ ГРУППУ ПО ОБУЧЕНИЮ ПРОГРАММИРОВАНИЮ В ШКОЛУ К ОЛЕГУ ВОЛКОВУ. УЖЕ ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ СТАНЬТЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМ СОТРУДНИКОМ СФЕРЫ INFORMATION TECHNOLOGY С ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ЗАРПЛАТОЙ ОТ 20 000 РУБЛЕЙ”

Вот это уже другой разговор. Аккуратно сложив флаер вчетверо, я сунул его в карман своих широких джинсов. Я почти закрыл ящик, но вдруг мельком увидел белый край конверта у задней стенки. Открыв заново дверцу, я обнаружил письмо. Заклеенное, с маркой, адресом и печатью – настоящее письмо. Но кому? Взял его в руки и прочёл адресат.

“МОСКВА, УЛ. ИГРАЛЬНАЯ, Д. 4, КВ.26, ПОЛЯНСКОМУ М.А. от ЛЕНИНОЙ М.Д.”

Я положил его в карман и стал в темпе, чтобы согреться, подниматься на четвёртый этаж, пробегая пролёт за пролётом. Давно пора бы сделать ремонт в подъезде: стены выцвели и испачкались, перила шатаются, штукатурка с потолка сыпется. Вот бы кто предложил инициативу, дело бы сдвинулось с мёртвой точки. Деревянная дверь в мою квартиру открывалась очень туго, с продолжительным оглушающим скрипом, так что всегда приходилось прилагать усилия, чтобы попасть домой.

Коридор был тускло освещен болтающейся на проводе лампой – точно такой, как в подъезде. Трещины, ободранные обои, запах плотно стоящей пыли, скрип паркета – всё отбивало желание есть, но только не у меня. Я разулся, прошёл в комнату соседа, положил на стол письмо и радостный отправился на кухню готовить купленные в магазине продукты. Советская кастрюля с рисунком улыбающегося ёжика и чёрным дном пришлась кстати. Из крана полилась ржавая жидкость, а это значило, что нормальной воды ждать ещё день или два. От досады я небрежно швырнул продукты куда-то в сторону. Забавно, что она немного проскользила, прежде чем упасть плашмя на стол. Даже лапшу и пюреху не заварить в кипятке: в квартире что, совсем нет еды? В холодильнике ничего не было, кроме аптечки. В небольшом пластиковом вёдрышке от йогурта лежал единственный кухонный

нож. Дешёвая рукоять, тупое лезвие, кончик и вовсе смотрел влево, зато хоть не зубами режем продукты. Открыв пачку сосисок, я развернул кресло спинкой к окну, сел так, чтобы можно было смотреть на улицу, освободил одну сосиску от полиэтилена и начал жевать. Как по мне – сплошная резина, но на безрыбье...

Часы показывали восемь вечера. За окном давно стемнело, а свет включать мне было лень. В темноте тоже можно поужинать. В этом есть нечто особенное, даже сакральное. Не успел я дожевать половину сосиски, как меня напугал резкий громкий хлопок двери. Тяжёлые шаги приближались к кухне. Это был Матвей, который на ходу стряхивал снег со своей шапки и раздевался.

– Прикинь, сегодня работы – в два раза больше. – Матвей стянул шапку и положил её у раковины, затем бросил куртку на пол, и только потом сел за стол. – Мне, короче, этот, Палыч говорит: здесь нету мужиков, в одно рыло пахать будешь. А ты чего в темноте сидишь, будто мышь? – он включил свет и начал растирать уши руками.

– Лень было.

– Эх ты, лодырь. Даже свет включить не хочешь. Не стыдно?

Он вздохнул.

– Неа, – улыбнулся я. – А ты что? Остался?

Матвей улыбнулся. Все волосы были потными, лицо красным, на руках остались пятна от машинного масла. Дышал

он очень тяжело. Когда я ему сказал, что воды не будет дня два, он бросил шапку на пол и слегка пнул стул.

– Открой окно тогда. Только ненадолго! А то не хватало мне ещё и поясницу застудить.

– Зачем?

– Проветрить, – пока я переставлял стул, чтобы не замёрзнуть, он продолжил. – Ещё эта фура подъехала на два часа позже! Ну, с покрывками. Открываю, значит, её, а там во! По голову этих шин. И думаю такой, попал я дня на три. А знаешь, что ещё мне насолило? Слякоть. Сколько раз поскальзывался и падал прям на грудки. Как закончил, так сразу домой, даже на метро решил доехать. Меня чуть менты не остановили, за нарика приняли. Причём, один из них такой жирный! Его б на лето ко мне в деревню, может, человеком бы стал. Вот надо было им меня остановить. Я там чуть не упал, так сильно руки болят, а они давай докапываться. Где живу? Как давно в Москве? Где работаю? Сорок минут стояли как бабки на базаре, трындели... Сорок!

– Ты деньги-то получил, друг?

– Да какое там! – Матвей махнул рукой. – Говорит, что в конце недели всё отдаст, но это ж Палыч! Я скорее начну на коньках кататься, чем он слово своё сдержит. Зато супчик на обед давали вкусный, куриный. Целых три тарелки съел и взял бы больше, да работа звала.

– Три?!

– Эй, имею право! Остальные-то ушли.

– Мне взял?

– А ты работал там? Да и как я тебе его, в шапке что ли принесу? А по поводу денег ты не парься. Слушай старших, и протянем ещё пару недель. Да, совсем забыл. Дверцу твоего шкафа ещё вчера починил. Только не дёргай, а то доломаешь окончательно.

– Да? А я и не заметил.

– Удобно, когда вещи сами вокруг тебя чинятся, Да?

Мне стало стыдно. Он хотел отдышаться. Надо отдать Матвею должное: человек вообще не унывает и никогда не устаёт. Работай я у Палыча, я б сразу развернулся и сказал “Гудбай”, но только не Матвей. Это всегда подкупало в нём. Но это сильно сказывалось на его здоровье. Дышал он, громко посвистывая, настолько не хватало воздуха, а про слабость в пояснице вообще молчу. Матвей откинулся, склонился над столом, прижал рукой больное место и, корчась от ноющей боли, продолжил глубоко дышать.

– Скоро совсем вполовину скрючишься.

– А кто еду в дом приносить будет? Ай... Свитер дашь на ночь?

– Для тебя ничего не жалко.

На лице Матвея появилась улыбка, а в глазах – недоумение. Не отворачиваясь и смотря ему прямо в глаза, я поднял руку со стола, дотянулся до сосисок, лежавших на подоконнике, положил их на стол и пододвинулся. Он удивился и почесал затылок.

– Значит, мы сегодня ужинаем! Что за повод?

– На рынке один грузин работу предложил.

– Странно, что ты не взял больше еды и не ушёл. Чё не свистнул кусок свинины какой-нибудь? Жалко для друга?

– Во-первых, у нас нет никакой воды, иначе я бы приготовил к сосискам вот эту пачку риса, а во-вторых...

– Ты ещё и рис купил?! – он хлопнул в ладоши и громко удивился.

– Угу, – я не мог сдержать улыбки. – Так вот, во-вторых, я задумался, а зачем мне один раз красть у честного работяги, если на этот хлеб я могу спокойно заработать?

У потного Матвея, на котором вся майка промокла почти насквозь, глаза на лоб полезли, пока я закрывал окно. Запах пота в квартире стоял знатный, но иначе работяга сляжет в постель с ангиной или простудой.

– Ты? Задумался? – он откусил сосиску и продолжил с набитым ртом. – Тебе кто-то голову вправил, пока меня не было, что ли? Значит так, завтра же идёшь к нему и просишься на работу, понял? Я тебя в рог сверну, а кости на бульон пушу, если не придёшь.

– Так он сам меня звал!

– Вот и не профукай шанс, дебил! Услышал меня? – Он вытер руки о скатерть.

Я поднял руки – он одобритительно кивнул.

– Вот и славно.

Мы продолжали сидеть на кухне и молча ели. Ну, точнее,

ел только Матвей. Мой голод можно было утолить и обычным кофе с утра с куском чёрствого хлеба, да и работал я не так усердно. Хотя он съел три тарелки куриного супа... Дожёвывая, он кинул пачку в холодильник.

– У меня есть к тебе предложение...

Расстегнув свою куртку, он медленно полез во внутренний карман, откуда достал колоду карт и положил на стол.

– Опа! Может, партейку в дурака?

– Пф. Спрашиваешь! Я тебя обыграю в два счёта.

– Ой, начинается... Кто в прошлый раз бегал по подъезду в одних трусах и напевал “Мираж”, балабол?

Раскладывая карты, я не обращал внимания ни на колоду, ни на масть, даже забыл о том, что Матвей всё время мухлевал в картах. А какой смысл? Настроение хорошее ведь! К тому же, от этой партии не зависит ничего, так что, почему и не поддаться?

– Скорее бы лето...

– Хочешь, чтобы учёба закончилась? Тебя и так чудом не отчислили, – съязвил карточный шулер.

– Ну вот надо было тебе об этом напомнить. Не отчислили же!

– Да ты так часто прогуливаешь учёбу, что я готов поставить нашу квартиру на то, что отчисление – вопрос времени. А к маю столько вузов таких как ты принимают, авось найдёшь что-нибудь.

– Ну, доля правды есть. Но нет, не поэтому.

– Что, коммуналка сильно жрёт?

– Да нет.

– Тогда я вообще ничего не понимаю!

– На море хочу я! – сказал я, улыбаясь. – Шутки шутками, но на море хочу, прям не могу... – выпрямившись на стуле, стал махать руками. – Представь: тёплое солнышко, песок под ногами, шум прибоя, ласкающий ухо, ты лежишь, отдыхаешь, дышишь полной грудью. Ни работы, ни учёбы, ни проблем с деньгами. Просто лежишь довольный такой, улыбаешься...

Матвей проникся идеей, закрыл глаза и откинул голову.

– Да, хорошо бы.

– Как только денег накопим, поедem в какую-нибудь Италию или Испанию, где потеплее, и...

– В смысле, Италию или Испанию? Это ещё зачем?

Он продолжал мешать колоду после очередной проигранной мною партии.

– А где, по-твоему, море? По мне так отличная идея. Туризм – дело благое.

– Во Владивостоке. Но море – это так, баловство для детей. Тем более, такое лоховское, как в Европе. Вот в речку холодную прыгнуть, потом по земле босиком пройтись...

– Ага, напороться на стекло, чтоб жуки покусали.

– Слушай, не носи ерунды. Там хотя бы не ходят всякие арабы и зонтами не торгуют.

– А бабки, торгующие пирожками на вокзалах – это не

одно и то же, да?

Мне было смешно, а вот Матвей сильно обиделся.

– Ты наших бабушек не трогай. У нас вода чище и духовнее, чем в этих странах дурацких. Едем во Владивосток летом. И всё тут.

– Я не хочу туда. Далекое, грязно, дорого...

– Ты там был? Вот сиди и раздавай карты молча, умник.

– Ну, хочешь – езжай во Владик, а я поеду куда-нибудь в Европу.

Матвей меня не понимал. Он отставил карты в сторону и нахмурил брови. В квартире стояла тишина.

– То есть ты действительно вместо нашей речки предпочитаешь потратить кучу денег на какую-то поездку в Европу?

– Я никогда там не был, и мне хотелось бы повидать мир.

– А Владик – это не мир, по-твоему? Или Камчатка? Байкал? Сочи! У нас столько городов красивых, а ты едешь в этот гадюшник? Да кому ты там нужен!

– Я могу в любой город приехать, и там я тоже буду никому не нужен.

– А ты хоть раз кроме Перми и Москвы был где-нибудь? Наши люди всегда выручат, к тому же – на русском языке говоришь, значит – нужен. И потом, Лёха, тебя из дома даже пожаром не вытащить, а ты говоришь про Европу.

– Алё, я просто предложил. Никто не говорит, что прямо сейчас мы туда полетим.

– Вот и забудь об этом предложении. Хрень какую-то

несёшь, ей богу. Козёл, взял, партию испортил. – Он швырнул карты себе в портфель, еле сдерживая гнев.

– Почему хрень?

– Да потому что хрень! Зачем мне выезжать, а? Сидим в Москве нормально, че тебе вот тут не сидится спокойно?

– Месяцами напролёт сидеть в душной хрущёвке между работой и учёбой? Неужели ты не хочешь проветриться? Хотя бы домой, родных навестить.

Он на миг замолчал и отвёл глаза.

– Ладно я, ты знаешь мои отношения с мамой. Да и в Перми мне не нравится. Но у тебя ведь всё в порядке. Будь я на твоём месте, я бы обязательно...

– Заткнись сейчас же.

– Почему? Я просто...

– Ты просто сейчас закроешь рот. Точка, – он говорил громко и грубо.

– А чё ты меня затыкаешь, охреневший?! Пришёл довольный, радостный, а сейчас огрызаешься, хотя я просто задал вопрос о семье. Что мне, и спросить уже нельзя?

– Я клянусь, если ты ещё раз поднимешь эту тему, я тебе все зубы выбью, а потом обратно вставлю.

– Ну попробуй, раз хочется мне рожу начистить просто так! Хотя ты знаешь, что я ни единого плохого слова тебе не сказал. Хочется помахать руками как быдло, без повода – вперёд! Дерзай!

Мне стало ужасно страшно. Матвей покраснел, не отво-

дил от меня взгляда и быстро дышал, но спустя пару минут всё же опустил глаза, полные гнева. Да и я немного успокоился. Поначалу меня бесило, что он просто так решил права качать, но сейчас этот спор был просто бессмысленным. А нужно ли тогда его продолжать? Не люблю с ним ссориться. В голову пришло осознание, и я сказал себе: “ты с ним в Москве с самого начала. Этот человек помог тебе с жильём, советы дельные даёт, за квартирой вот как ухаживает! И начинать драку по такому тупому поводу...”

– Извини.

Немного переминаясь на стуле, он отвёл взгляд сначала на окно, потом на дверь комнаты, после чего наконец посмотрел на меня с улыбкой.

– Да ладно, проехали. Чёт я погорячился. Работа, сам понимаешь. Не оправдание, но когда приходит какая-нибудь блондинка в салон и даже не может сказать, что не так с машиной, я как будто...

– Не продолжай. Я понимаю.

Удар в плечо был не сильным, но душевным. На столе лежал полиэтилен от сосисок, а в комнате стало очень душно.

– Пойду, окно открою.

Как только я встал, снизу постучали, кажется, шваброй по потолку.

– Кому-то не нравится, что мы шумим.

– Да и плевать, – улыбнулся я, громко топнув по полу на зло.

Матвей рассмеялся. Стоило мне сделать ещё один шаг, как стук снова раздался. Я ответил им тем же, и на этот раз не один. Гулким эхом послышался крик снизу, и я расслышал слово “полиция”, когда открывал окно. Квартира проветривалась, свежий воздух бодрил, проходя тонким потоком под носом. В комнате стало легче дышать, небольшой сквозняк посвистывал в коридоре. Вероятно, окно у Матвея тоже было открыто. Как бы бумаги со стола не сдуло. И тут я вспомнил:

– Слушай, – сказал я, – тебе там письмо пришло, я на стол положил.

– Да? От кого?

– Не знаю, от какой-то Лениной М.Д. Знаешь её?

Улыбка пропала. Медленно постукивая пальцами по столу, он продолжил смотреть на стол, будто искал какой-то ответ или набирался сил.

– Ты...

– В порядке. Засиделись мы с тобой! – он резко встал, взглянул на часы и поправив футболку. – Завтра тяжёлый день, да и тебе надо на работу, так что будем ложиться спать, – последние слова он говорил, стоя в проходе. – Подумать только, Лёха идёт на работу! Расскажу – не поверят.

– Очень смешно.

Пока он разувался у себя в комнате, закрыв дверь, я остался сидеть на кухне.

Глава 3

Всю неделю я работал на рынке у Вазгена. Это был очень тяжёлый труд, о котором я и представить не мог: стоишь 10 часов на морозе, смотришь на каждого покупателя так, будто он вот-вот подойдёт и что-нибудь возьмёт, но, увы, они только смотрели, задавали вопросы и уходили. Зато заработок был стабильным. Дядя Вазген, как я его называл, платил мне долю с того, что продал за день. Чаще всего это были жалкие 80 или 120 рублей, но мне хватало. Почему жалкие? Да потому, что сам Вазген получал куда больше. На одной свинине зарабатывал в день почти пол косаря, а мне он даёт только пятую долю. С другой стороны, ларёк нужно на что-то содержать, так что я могу его понять.

– Послушай старика, Лёша, – говорил он за очередным перерывом на чай, сидя в пластиковом кресле за дачным столиком. – Если ты думаешь, что “Вот, я такой молодой, крутой, смогу всей Москве продать мясо, у меня деньги будут сыпаться с неба, мамой клянусь!”, то ты очень глубоко ошибаешься, дорогой. На меня посмотри! Там я продаю корову, тут – куриц парочку, и это неплохие деньги, поверь. И стоишь ты с деньгами, две тыщи рублей держишь, и звонишь домой, говоришь: “А ну, жена, открывай коньяк, я деньги домой принёс!”. А потом ты приезжаешь... За квартиру – плати, за машину – плати, за ларёк – плати, и остаёшься ты

с одной копейкой в руке.

Я немного удивился.

– Да-да, представь себе. Я уже третий месяц в дырявых ботинках торгую, а карман куртки – вот! Дырка огромная. Перчатки б ещё достать где-нибудь. Говорю своей, чтоб сшила, а она ни в какую.

– Почему? Не хочет?

Дядя Вазген помотал головой и поджал губу, после чего сел поудобней.

– Когда я только познакомился с Майей в Тбилиси, она была одна такая красивая, как роза в маковом поле. Талия – лоза, взгляд – хищной кошки, шея – ну лебединая, а волосы – ох, вспоминаю... но, – он пригрозил мне пальцем, – гордая, как орёл. Ни одному молодому грузину не давала пройти мимо: всех околдовывала своими чарами.

– И вас тоже? – я подлил дяде Вазгену чай.

– Да я был влюблён в неё по уши! Я даже спать не мог, не думая о ней. Просыпаюсь – она в голове. Уезжаю на работу – а она рядом со мной сидит, – тут Вазген замахал руками. – Даже когда я с каким-то бараном на дороге столкнулся и готов был его разорвать, она передо мной стояла.

У меня не получилось сдержать смех.

– Вай, я тебе не анекдот рассказываю! Обижаешь старика.

– Простите.

– Так вот: женщина она была неприступная! О-о-о... Ты к ней с цветами подходишь, а она – ничего. Вообще не ре-

агирует! Ты у неё под окном с гитарой стоишь в дождь, а эта ягодка даже послушать не выйдет. Корзины с фруктами у порога дома оставляешь – нетронутые. Даже груши не взяла, представляешь?

– И всё же, Вазген Тигранович смог покорить её своим обаянием?

Он хитро улыбнулся.

– Не поверишь, я почти сдался.

– Да вы шутите! – воскликнул я.

– Веришь или нет, но спустя месяц ухаживаний и долгих попыток захватить эту женщину, я готов был опустить руки. Помню, как вчера: сижу на пороге дома и на луну смотрю. Воздух был тёплый, на холме стоял запах вина. Тут, вижу, она мимо меня проходит. Красивая и гордая. И думаю: а, ладно. Видимо, не судьба. Продолжаю сидеть, никого не трогаю. Шарф закинула на шею, значит, – Вазген изобразил замах, – и продолжает идти.

– А вы что?

Он откусил бутерброд и продолжил пить чай. Как так аппетитно можно есть обычный бутерброд? Видно, он увидел, как жадно я на него смотрю. Он раскрыл сумку, лежавшую за спиной и, вытерев об рукав куртки, протянул спелое яблоко.

– Да бери, бери. Высший сорт: из дома принёс!

Я нехотя взял и надкусил.

– М-м-м... Очень сладкое.

– А я о чём говорил? Домашнее, – довольно добавил дядя

Вазген, после чего продолжил. – Ну, она уже почти прошла, а я проклинаяю себя, что вообще повёлся на эту женщину. За что мне такое наказание? И тут, когда я уже собирался уходить, она разворачивается и подходит ко мне. Я и дверь закрыть не успел, как она спросила: “Почему ты на меня не посмотрел? Я же специально сегодня мамин шарф надела!”.

Я понимающе закивал головой.

– Вот тогда-то я и понял, что она того стоит. Молодость у нас была горячая. И ругались, и мирились, и отец её со мной дрался. У-у-ух! Но посмотри на нас: живём счастливо, на кольцевой в двушке с тремя детьми. Две девочки-красавицы, Мая и Ева, и сын Давид. Моя гордость!

– Да у вас руки красные! Может, купите перчатки?

Вазген посмотрел на свои красные ладони, сунул руки в дырявый карман, затем встал и повернулся ко мне.

– Послушай старика, Лёша. Некоторые вещи гораздо дороже, чем перчатки, – он подмигнул и ушёл к своей машине.

Сегодня день стоял особенно морозным: я буквально чувствовал запах холода. Держа платок под рукой, я периодически вытирал красный нос. Дышал я через рот, причём прерывисто, в груди стояла неконтролируемая дрожь, от которой стучали зубы, а ноги окоченели от ветра, царапающего лицо. Я сидел на стуле, спрятав руки в карман и стараясь не делать лишних движений. Хорошо, что сегодня на мне была шапка, иначе мои волосы превратились бы в сосульки. Зато на небе не было ни единого облака: солнце светило ярко, от-

ражаясь в окна. Сзади меня слышался хруст льда под ногами спешивших на работу прохожих. Вдруг один из зевак поскользнулся, на мгновение завис в воздухе, смешно вскрикнул, а потом начал стонать от боли. Как говорил мой папаша, “если и падать – только на спину. Упадёшь иначе – сломаешь что-нибудь, а на спину – сколько угодно”.

Торговля шла обычно: один клиент подходил примерно раз в сорок пять минут. Пока Вазген чинил свою машину и выяснял что-то по телефону, я продавал мясо. В первый день работы мы обговорили условия: я продаю, он даёт долю. И никаких документов. Быстро и удобно. К тому же, на другую работу меня вряд ли бы взяли, а деньги на квартиру очень нужны. Он хорошо ко мне относился, многому учил, пока пил чай и вспоминал очередного родственника по бабушкиной линии. Другие же продавцы вели себя куда более грубо. Раньше я думал, что среди юристов или каких-нибудь рекламщиков конкуренция большая, но как же сильно я ошибался... Тебе каждый день нужно показывать, что именно твой товар достоин внимания, пока остальные продавцы сбивают цену и говорят, что твоё мясо протухло. А пару дней назад какой-то уголовник в грязном фартуке и треской в руках увёл у нас аж пять человек. Сегодня, как на зло, ещё и людей мало... Люди в зимних куртках проходили, быстро перебирая ногами и шаркая подошвой о рассыпанную соль на асфальте. На лице каждого человека, от учителя в меховой шапке до бритого наголо гопника в спортивных штанах, чи-

талась фраза “Скорее бы домой, в тепло”. Злиться на них нельзя, да и на работу тоже. Ну и что, что моей зарплаты на аренду не хватит? Матвей ведь не просто так мой сосед. Скинется каждый по копейке и вперёд, жить на Дошираках месяцами напролёт. Романтика! Хорошо получать 13 тысяч рублей в месяц, но... Может, действительно? Выучусь в университете, буду ездить по миру и начну новую жизнь. Интересную, без сложностей и уныния. Одним словом – нормальную жизнь. Хороший план, но тут ли я хочу жить?

– Прекращай ворон считать, работай!

– Так людей же нету, кому мне мясо продавать?

Вазген задумался, осмотрел рынок, почесав свои усы, и быстро ответил:

– Иди тогда, ящики из машины таскай.

С большой неохотой я пошёл к ящикам, перепрыгивая через плохо покрашенный забор. Фура была грязная, серая и пыльная. Номера были еле видны, на трубе висела маленькая грязная сосулька, которую я, забавы ради, сбил ногой. Машина стояла во дворах, недалеко от рынка. Несколько окон в восьмиэтажном доме из кирпича были открыты настежь. Бордюр покрылся тонким слоем льда. Я взглянул на ГАЗель 33025 более пристально, на покрывавший её серый тент, грязные зеркала, разбитую фару, трубы, с которых постоянно что-то капало – и всё это вызывало у меня чувство тихого ужаса и грусти. Мне физически было дискомфортно наблюдать за тем, как эта развалюха ещё умудряется что-то

развозить. Отвязал от верёвки тент и задёрнул его в сторону, как штору. Внутри лежало два пластиковых ящика с прорезями. На листке из блокнота синими чернилами было подписано, что и где лежит: в синем – “КУРИЦА”, в чёрном – “СВИНИНА”. Ящики не были слишком тяжёлыми, так что я решил унести сразу два. Подцепив руками дно, я приподнялся, выпрямил руки и моментально встал. Машина слегка качнулась в бок, но почти незаметно. Отступив назад и почти выйдя из машины, я увидел солнечный свет, пробивающийся через тент. Оставался всего один шаг, чтобы... БУМ! Громкие звуки удара, порванной ткани и скрежета металла раздались в двух метрах от меня, напугав так сильно, что ящики выпали из рук. Оглянулся. Передо мной была большая дыра сверху, а на полу лежали осколки огромной сосульки, оставившей небольшую вмятину в полу.

Парализующий шок захватил моё тело, сковал руки с ногами и заставил забыть напрочь о работе. Не помню, как я оказался на улице и как мясо Вазгена исчезло из моих рук. В груди что-то сжималось, глаза почти не моргали, я не мог даже сжать кулаки и вытереть пот со лба. Задрал голову наверх, я увидел на крыше скол, откуда сосулька и упала. Диаметр был большой, размером с шину мотоцикла. Сердце стучало со скоростью автоматной очереди, дышал я очень прерывисто, городской шум заглушался, а на его место пришла пустота. Я даже был не в состоянии думать. Раз – и я уже сидел на бордюре, прижимая колени к ушам. Я снял шап-

ку, и несколько рыжих локонов волос упали мне на глаза. Мир ускользал от меня: я не слышал, не видел и даже не чувствовал. Все мысли были только о гигантской сосульке, в одно мгновение оставившей вмятину на машине. Упавшая сосулька будто снова стала падать. Мне казалось, что тяжелым стержнем она встала посреди моего горла, давила и не давала дышать. Я слышал своё сердцебиение, какое оно быстрое, не чувствовал ничего, глаза мои смотрели в пустоту – я полностью погрузился в себя. Если бы я вышел парой секунд позже...

Краем глаза я заметил, как Вазген бежит в мою сторону, махая руками.

– Ты почему так долго, слушай? Почему ящики не...

Мне не надо было объяснять, что произошло. Вазген посмотрел на свою машину и с криками стал ругаться. Какие только слова я не слышал, когда он зашёл внутрь машины, чтобы оценить ущерб. Из-за серой двери вышла женщина, лет за сорок, в халате, тапках и бигудях, одетая как типичная советская домохозяйка – и давай кричать на весь двор:

– Чё ты разорался, морда усатая?

– Возвращайся на кухню, женщина, и не мешай мне!

– Я сейчас милицию вызову, хам!

Рука, нащупав сердце, поймала пульс. Замедляется. Мои ноги слегка подкосились и задрожали, когда вставал. Схватившись за лавочку и выпрямившись, я медленно перебирал ногами, в ужасе шараясь от машины, затем подошёл к Ваз-

гену и похлопал его по плечу.

– Эта сосулька только что чуть на меня не упала, так что...

– Слушай, просто донеси ящики и иди куда хочешь! Не мешай мне.

– Как тебе не стыдно! – голос у бабки был мерзкий, каркающий и хриплый, но звонкий. – Старый чурбан, у тебя мальчик чуть голову не сломал, а ты плачешь по своей развалюхе. Бессовестный! Скорая бы и за час сюда не приехала, а ты...

– Сама ты развалюха, а это – фамильная машина моего отца! Да что ты понимаешь, кухарка! Я ещё в 83-м...

Дослушивать, кто кого посылает – пустая трата времени, так что я развернулся и пошёл к ящикам. Сделав глубокий вдох, снова нагнулся и поднял их. Прогнать мысли о потенциальной смерти было тяжелее, чем нести эти ящики через дворы. Как можно думать о чём-то другом, когда ты мог даже не думать о своей кончине, а просто валяться с пробитой головой в луже крови? Скорая бы меня увезла в городской морг. Может, Матвей похоронил бы, а затем... А что затем? Что я смог оставить за свою короткую жизнь? А жил ли я вообще той жизнью, которой хотел жить? Стоило ли оно того? Чем больше я задавался этими вопросами, тем тяжелее мне становилось на душе из-за их ответов. Слово “бессмысленно” в моей голове звучало пугающе часто. Вскоре я снова оказался на рынке. Солнце было уже не так высоко, плавно опускаясь всё ниже и ниже. Тент ларька был закрыт, а на прилавке – надпись: перерыв 15 минут. Откинув тент и

пройдя под ним, я поставил ящики на стол, немного пришёл в себя и ушёл.

Когда я успокоился, мне стало легче. Ноги несли меня в неизвестном направлении, головы я не поднимал. Шок всё ещё держал меня в коконе, но я продолжал думать о своей несбывшейся смерти. Подумать только, я так ни разу не сделал того, что могло бы меня порадовать. У меня даже не было цели в жизни, я просто... плыл по течению изо дня в день. Существовал. Когда я в последний раз чувствовал себя счастливым, радовался или хотя бы улыбался? Вдруг ворона широко взмахнула крыльями, и большое чёрное пятно напугало меня. Кажется, карманы были легче, чем обычно. Я тщательно обыскал каждый карман, после чего понял: ключи не взял. Это плохо, ведь Матвей будет только вечером. У него на работе постоянно ошибаются с поставками, отчего он частенько приходит на час или два позже. Проверил заряд на своём сотовом. Приучить бы себя ставить телефон на зарядку, когда ложусь спать. На моё счастье, на углу перекрёстка в стеклянной будке стоял маленький чёрный телефон. Диск с цифрами был пластиковый, трубка висела на проводе, а слева – монетоприёмник. В карманах всегда была пара монет, которых как раз хватило на один звонок. Советская вертушка была такой же, какая стояла у меня дома в Перми, разве что здесь телефон приклеен к стене, а не стоит на маленькой тумбе. Пошли гудки, ждал я недолго.

– А? – сонно спросил знакомый голос

– Палыч, а позови Матвея?

– Кого?

Глаза сами собой закатились.

– Полянский. Полянский Матвей Андреевич, 84-го года рождения, работает у вас на стройке...

Не знаю, услышал ли он моё недовольство, но прозвучало непонятное ворчание.

– Жди, малой. Ща позову...

Ждать пришлось недолго, на фоне слышались непонятные звуки: как что-то упало, громкий треск сварки, а параллельно – лекция бригадира о том, как правильно поднимать.

– Да?

– Привет, это... Ну, в общем я, такое дело... Короче, долго ещё работать будешь?

– Лёха! Здорово, как сам?

Матвей всегда умеет взбодрить.

– Честно? Хреново. Слушай, я с таксофона звоню, телефон сдох, так что спрошу быстро. Ты когда дома будешь?

– Опять ключи посеял?

– Типа того. Ещё и потерялся походу...

– Извиняй, старик. Завал на работе не позволит уйти мне раньше семи. Если хочешь, можешь заскочить за ключами.

– На какие шиши я приеду в Чертаново? Денег хватит только на обед, и то не факт. Короче, позвони, как освободишься.

– Как? У тебя ж телефон сдох.

– Точно...

– Слушай, братан, мне пора, а то Палыч косо смотрит. Смотри, чтоб нос не отвалился. Да иду я, не ори. И что, что у нас запчастей нет? На складе проверь! – затем он снова обратился ко мне. – Дома встретимся.

Раздались гудки. Уперевшись лбом в стену будки, я начал искать выход. На метро денег нет, холод на улице стоит собачий, ехать не к кому. М-да... И тут мне на глаза попалась линия посреди бежевого поля с цифрой 217, а рядом – “Селигерская улица”. Да это же карта! Проведя пальцем по линии, обнаружил одно здание. Торговый центр “Землянка”. Хм, я там раньше не был. Да и выбора у меня не было. Выйдя из будки и вдохнув морозный воздух, я направился вдоль проспекта прямо к этой “Землянке”.

Машины монотонно проезжали одна за другой в потоке, извергая выхлопные газы в воздух и окатывая слякотью и грязью прохожих. Те, в свою очередь, кричали что-то водителям вслед. Я внимательно глядел под ноги, шёл достаточно далеко от крыш и от проезжей части. Чувство паранойи не покидало меня уже несколько часов, каждый дом для меня представлял угрозу. “Гляди в оба”, – говорили в унисон сердце и мозг. Увидев жёлтый снег с маленькими собачьими следами, я будто перезагрузился. Мысль о домашних питомцах отвлекла меня, и на душе стало будто спокойней. “И чего ты так психуешь? Ничего же не произошло! Ну, упала в метре от тебя сосулька, не убила же!” – так бы сказал Мат-

вей, будь он рядом.

Передо мной после заснеженных ржавых гаражей открылся наконец торговый центр. Выглядел он как большая серая коробка с маленькими стёклами по бокам. Стены были сделаны из довольно прочного материала, сбоку стояла большая парковка, машин на семьдесят. Правда, сами машины стояли в один ряд, и это было жутко неудобно для пешеходов вроде меня. Пожарный выход ярко-жёлтого цвета закрывал мусорный бак. Иронично. Прохожие выходили и заходили так часто, что во мне стало зарождаться подозрение, что они ходят кругами. Надо мной была вывеска. Зелёная надпись “Землянка”, сделанная курсивом, гордо висела на самом видном месте. Возле входа тусили какие-то панки или готы, одним словом – неформалы. Все были в чёрной одежде с макияжем под глазами, причём именно у парней он был самым выразительным. Люди в чёрном пили пиво и активно что-то обсуждали, пока их подруги сидели на лавочке в клетчатых колготках, смеясь громким неприятным смехом. На ногах у всех были ботинки с высокой подошвой. На одном парне был кожаный плащ, на другом – куртка преимущественно тёмного цвета и цепь на кармане брюк. С каждым шагом приближаясь ко входу, я все больше чувствовал дискомфорт. Они, кажется, были уже подвыпившими, а провоцировать неадекватных готов – последнее, что мне сейчас нужно.

– Ну я и говорю своим старикам, – начал высокий, – старпёры, вы не понимаете меня! Я вас просто ненавижу! Будь

моя воля – сбежал бы из дома.

– Да ты безбашенный! – подлизывалась девушка с чёрной помадой на губах.

– Красавец! – добавил тип в плаще.

– А так и надо с этими родителями. Думают, что мы им чё-то должны. Что мы их личная прислуга. Видели? – он повернулся, расстегнул куртку и показал свою футболку. – Новая, только сегодня взял.

– Где ты её умудрился достать?

На его самодовольном лице появилась улыбка.

– Да чё там, пару косарей у мамки спёр, пошёл и купил. Плёвое дело!

Даже я в глазах своей матери не был таким уродом. Проходя вплотную мимо них, я испытывал больше неприязнь и агрессию, чем страх. Стиснув зубы, я стал дышать глубже и отвёл взгляд после того, как один из дебилов на пафосе посмотрел в мою сторону с укором, будто выискивая повод для того, чтобы “спросить за свою культуру”. Открывая стеклянную дверь с железными ручками, я оказался внутри.

Ослепительный белый свет от потолочных ламп начал резать глаза. Передо мной стоял почти такой же рынок, на котором я работал, только вместо палаток и тентов – небольшие залы. Каждый из них был разноцветный, с разными картинками и надписями, но все стояли в ряд. Самый дальний прилавок продавал палёные диски и кассеты с фильмами, и даже отсюда я мог почувствовать едкий запах дешёвого китайско-

го пластика. На “торговом перекрёстке” виднелись два магазина бытовой техники, где выставлялись на продажу пылесосы, радиоприёмники и сотовые телефоны; последние были за стеклянными витринами, расположенными вдоль стены, ведущей прямо к кассе, где стоял менеджер в дурацкой жёлтой футболке. Покупатели ходили в расстёгнутых куртках, держа шапки и шарфы в руках, карманах или сумках. Справа, далеко вдали, был эскалатор, ведущий на верхний этаж, а передо мной стоял охранник, одобрительно кивающий и словно говоривший всем своим видом “проходи, не задерживай очередь”. Сделав несколько шагов вперёд, я осмотрел помещение. Плитка была жёлтой, потолок дешёвым, в небольшой бреши сверху виднелись провода, а стены были покрашены в тёплый цвет. Но самое интересное – рядом висели маленькие, еле заметные таблички с названиями магазинов, указатели туалета и выхода. Но было одно странное слово “фудкорт”. Я понятия не имел, что это такое, да и времени у меня не было. В ушах началось покалывание, пальцы сгибались бодрее, живот громко заурчал. Мне нужен был супермаркет.

Пройдя по коридорам, я вышел к просторному помещению с двумя входами: для покупателей и для тех, кто уже совершил покупку. Разница была в том, что плоский турникет (но не как на входе в метро, а открывающийся только в одну сторону со стрелкой вперёд) перекрывал выход любому, кто хочет пройти через кассу. Прилавки с овощами, различными газировками, чипсами “Русская картошка”, какао, плит-

ками воздушного белого шоколада и дешёвыми блейзерами совсем меня не интересовали, а потому я быстро их проходил. Если перекусывать, то как следует. Холодный ряд подсвечивался лампами, а за прозрачным стеклом стояли салаты, колбасы, сыры, разные жареные вкусности и прочее. За паха еды я не чувствовал из-за отморозенного носа, но одного внешнего вида уже хватало, чтоб я захотел скупить половину прилавка. Продавщица, на голове которой была шапочка в цвет её голубого фартука, упаковала мне три холодных блина с творогом и маленькую бутылку морса. К сожалению, денег хватило только на один блин. После оплаты я спрятал еду в карман, выбросив чек в урну, и направился к этому “фудкорт”, чтоб занять себя как-то на пару часов.

Куча столов, где вдоль стены располагалось множество забегаловок – вот, что такое фудкорт. Везде стоял запах жареного мяса, солёной картошки и газировки, пока в центре, сидя на дешёвых стульях, люди общались и ели. Пара гопников в углу разговаривала громче всех, рядом с туалетом сорокалетний мужик в коричневой кожаной куртке обедал с женой и маленьким сыном, где-то возле выхода к эскалатору один умник в свитере и очках с огромными линзами скрючился над книжками, увлечённо записывая, а рядом со мной было три девочки в одинаковых розовых куртках, больших голубых джинсах с длинными разноцветными ногтями и макияжем. Я сел за пустой столик и достал свой жалкий блин, упакованный в полиэтилен на куске непонятно чего белого цве-

та. На вид он был очень тонким, но на вкус... Ничего мягче и вкуснее я в Москве не ел. Если выбирать между сырыми сосисками и блином с творогом – я готов отдать все деньги за блины, причём не раздумывая. Творог таял в моём рту, и я даже не жалел, что на морс денег не хватило. Сидел я, согнувшись над едой, как человек, не евший очень давно. Вдруг меня будто ударило током и мне стало стыдно. Прекратив жадно есть, я стал искать в кармане салфетку, чтобы вытереть рот.

И вот так я трачу остаток своей жизни, сидя за грязным столом, с творогом на губах, без цели и желания что-либо делать. Дамы и господа: Алексей Жданов. Человек, проедающий смысл своей жизни. Даже блин не стал доедать, до такой степени грусть облепила меня со всех сторон. Подумать только: за двадцать один год всё, к чему я стремился, ради чего жил, что вызывало у меня эмоции – этот жалкий блин. Пусть вкусный, пусть сытный, но обычная еда. А что будет завтра, когда я проснусь? Очередная пустота, очередная мысль “скорее бы этот день закончился”? Жизнь без радости, без принципов, без желания. А если бы меня эта сосулька убила, то значит я вообще жил напрасно. Но я ведь могу что-то передать своим детям, разве нет? А, кого я обманываю... Нечего мне им передавать.

Вскоре я почувствовал под своими ногами что-то, что не походило на привычную плитку. Мои глаза опустились и

наткнулись на маленькую листовку. Она была приятной на ощупь, но след слякоти от ботинка остановил меня от того, чтобы поднять ее с пола. К счастью, её можно было рассмотреть издали благодаря крупному шрифту и выделяющейся расцветке: белой, синей и чёрной.

“ПОЕЗДКА НА 2 МЕСЯЦА В ЭСТОНИЮ С ЧАСТИЧНОЙ ОПЛАТОЙ ЖИЛЬЯ И ПИТАНИЯ!

Туристическое агентство International Trips совместно с сетью отелей проводит акцию, в которой Вы можете принять участие: всего за сорок пять тысяч рублей, оплачивая таможенную пошлину, билеты на самолёт и проживание на соответствующий срок, у Вас есть шанс посетить страну бывшего СССР и современной Европы, ознакомившись с архитектурой. Ждём вас!”

На листке было несколько очень ярких фотографий. Главная площадь с собором бежевого цвета, увенчанном большим и острым металлическим шпилем, располагалась в старом готическом городе среди голубого неба. На втором фото изображалась маленькая деревушка с аккуратным колодцем из камня, где за обеденным столиком два старичка в смешных очках играли в шахматы. Оба улыбались. На вид место было тихим, спокойным, ухоженным, от него будто веяло оптимизмом и вкусом к жизни. Третье фото показывало, как в плохо освещённом баре стояли семь пинт пива, а рядом – большая тарелка с фисташками. Люди, видимо, смотрели футбол, ведь у кричащего фаната был шарф с символом, по-

ходим на эмблему команды. Ну да, конечно. Они определённо счастливы. Живут в своей Эстонии, путешествуют по Европе, гуляют в лесах и любят пейзажами, живут счастливо. А я, может быть, тоже хочу так жить! Вот возьму и уеду хоть завтра, и тогда... В голове будто что-то щёлкнуло. Ни один кофе меня так не бодрил. Это... Это было ответом на многие вопросы. Я словно читал не простой рекламный буклет, а настоящую путёвку в свою новую жизнь. Ни одно событие не вызывало у меня столько трепета за последние полгода. В голове зарождались образы. Тут я в Германии пью пиво, здесь я на берегу Сены ем луковый суп, а здесь я прогуливаюсь по торговым рядам Милана! Столько европейских городов, я буду как ребёнок в кондитерской. Нет никакой суетности будней, угрюмых прохожих, вечно хамящих преподавателей и жалующихся соседей. Обычный рекламный лист, который кто-то выбросил, дал мне возможность не потратить свою жизнь зря, дал мечту. Вот оно: решение! Я почувствовал, как в груди снова энергично забилось сердце, по венам начала течь кровь, а моё тело заряжала энергетика и желание поскорее оказаться там, на этих картинках с буклета. Я даже не заметил, как мои ноги понесли меня прочь от стола, на котором остался блин с творогом, а руки продолжали держать лист бумаги так, будто это Библия. В глубине души я продолжал думать, что всё это сон, и я вновь проснусь в сером мире, где всё мне будет безразлично. Но каждый раз, наступая на плитку, я понимал: ты здесь, идёшь, держишь

в руке то, что поможет тебе осуществить твою мечту. Новорождённую, настоящую мечту.

Целых два часа с полным желудком и каплями пота на лбу я провёл в местном книжном, который скорее был похож на советскую библиотеку. Если бы не старая женщина с крашеными волосами и в больших очках, которая решила мне нахамить, то книжный был бы куда более привлекательным. Оторваться от книг про эстонскую историю, культуру и архитектуру было невозможно. Правда, это была маленькая страна, поэтому я только открывал карты, пролистывал общие справочники, но находил то, что было нужно. Готические здания, национальные костюмы и блюда, даже свистнул небольшой буклет с картой Таллина, столицы. Мой мозг пожирал информацию страница за страницей, и я вычитывал и конспектировал все подряд. Впервые в моей душе появился детский восторг. Я перечитывал каждую страницу об Эстонии по несколько раз и подолгу засматривался на фотографии городов. Красивая брусчатка, современные металлические памятники, во многом непонятные, но манящие и завлекающие, эти узкие домики с деревянными дверками, где всегда в центре есть окошко, позолоченные ручки, уютные аскетичные квартиры – всё было таким привлекательным, что я был опьянён красотой прибалтийской Европы. В голове уже слышался шум моря, чувствовался морской воздух, ласкающий шею, а чайка уже подлетала, чтобы отнять кусок мягкого тёплого хлеба. Мне захотелось попробовать нацио-

нальную еду. Я никогда не любил рыбу, но то, как они сочетали её с самыми необычными и, на первый взгляд, несочетающимися продуктами, восхищало меня. Сочетание перловой каши с картофельным пюре на слух может звучать просто отвратительно. Всё же, я выписал себе на листок бумаги рецепт “Мульгипудера”. Посмотрев на часы, я спохватился и стремительно покинул торговый центр, прижимая рукой карман с картой.

В тот вечер я шёл домой окрылённым идеей переезда. Не помню, как меня донесли ноги до квартиры, и как я вообще смог проехать зайцем в пятницу вечером, но рука уже стучала в дверь. Матвей был не в настроении меня встречать, так что как только я сказал ему спасибо, он отправился спать. Снимая с себя джинсы с носками, я разложил все заметки, а в центр положил туристическую карманную карту, прижав загибающиеся углы подсвечником и настольной лампой. В лунном свете, равномерно падающем на стол, я увидел схему общественного транспорта, расположение домов, улиц, а маленькими рисунками были обозначены главные достопримечательности города, выделенные серым карандашом из Икеи, завалившимся в куртке. Город был схематичным и условным, но не для меня. Не знаю, помешательство это или нет, но при взгляде на одну большую надпись “Таллин”, написанную латинскими буквами, во мне просыпалось что-то тёплое и интригующее, а главное – я был уверен в своей затее. Стоял я так ещё минуту, прежде чем укутаться в тёплый

плед, открыть щель в окне на ночь и лечь в кровать. Засыпал очень долго, но помню, что даже когда глаза слипались от усталости, а боль в ногах начала нарастать, долго смотрел в потолок с трещинами, временами поглядывая на кучу своей одежды, лежавшей на стуле рядом с развёрнутой картой. Мысль о ней и о городе мечты заставляла меня думать, что с завтрашнего дня начинается новая жизнь, в которой у меня есть цель.

Глава 4

Взглянув на часы, я понял, что опаздываю. Резко вскочив, я начал собираться, даже не заваривая утренний чай. Матвей спал в соседней комнате мертвецким сном – следствие вечерней смены. Обуваясь, я схватил в руки куртку, но надел её только на улице, когда бежал к остановке. Зайдя в автобус, я выбрал самое тихое место, сел и засунул наушники в уши. Контролёров не было – к счастью безбилетника. За окном было очень темно, вместо солнца – свет от фар и фонарей вдоль чёрного проспекта. На светофорах автобус стоял по несколько минут, причём очень часто. На одном из перекрёстков я увидел пустой трамвай. Он выглядел как большая деревянная коробка с полостью. Редко встретишь такой трамвай для перевозки грузов в наше время. Пятидесятилетний дед ел бутерброд с сыром и докторской колбасой, пока у меня урчал живот. Советские брюки с широкими штанинами, откуда выглядывали рыночные кожаные туфли с трещинами, большой серый свитер, поверх которого была натянута кожаная жилетка. Даже шапки на голове не было, хотя было холодно, а плешь покрыла половину седой головы. Морщины и грубая щетина, уставшие глаза. Почему-то даже сквозь окно, небольшую метель, утреннюю мглу и расстояние в семь метров доносился запах портвейна. Или мне так показалось. Доев, работяга вытер руки о жилет и стал взби-

раться наверх по ступеням к кабине, опираясь на перила. Автобус тронулся, и я стал смотреть на проезжающие мимо машины, голые ветки деревьев и прохожих. Ценю вид из окна движущегося авто на колёсах именно за переменчивость, если можно так сказать. Видишь ты старую ржавую девятку или шестёрку, а через пару минут уже новенькая немецкая бэха с вылизанными до блеска номерами и тонированным стеклом. Или, например, переходит дорогу мама-одиночка в шубе из норки и тащит сына в смешной яркой шапке за руку, а в противоположную сторону идёт типичный представитель интеллектуальной элиты с шарфом на шее и высокомерием в глазах, одним словом – сноб. Столько людей с разной судьбой в одном городе, на одной улице.

Так сильно замечтался, что чуть не проехал свою остановку. Выйдя на улице Юлиуса Фучика и пройдя пару метров, я достал на ходу пропуск, открыл тяжёлую дверь РГГУ и оказался внутри.

Я сидел на подоконнике напротив кабинета, где через пару часов начиналась пара. Само здание выделялось большими белыми колоннами и европейским стилем, а на фоне серых скучных панелек универ смотрелся более благородно. Деревянная тяжёлая дверь и охранник встречали и портили настроение первокурсникам, а красная дорожка, прикреплённая к полу еле заметными позолоченными металлическими палками, внушала уважение и даже страх. В коридоре, ведущем к кабинетам, было очень шумно. Обсуждение экзамене-

нов, обмен шпорами и последними новостями – ежедневный фон студенческой жизни, а в самих аудиториях всегда хотелось спать: парты шатаются, голос лектора тихий, а речь – монотонная. За окном взошло солнце, осветив улицу, машины и людей пастельно-розовым цветом. Лучи света, бившие в окно, освещали тёмный коридор, а частицы пыли, попадая под них, меланхолично кружились. Даже храм скуки порой может быть красивым. Я закинул ноги, чтобы не добавлять работу уборщице, но слякоть теперь была на подоконнике. Потом вытру. До пар оставался ещё час и, сидя с книгой о старой Европе в руках, я планировал провести время интересно и с пользой. Вся книга была законспектирована в тетрадь с желтоватыми листами в клетку карандашом, заточенным кухонным ножом. Заметки были очень короткими, но ясными, отображающими суть. Рядом с местом, которое хотелось посетить, были мои рисунки. Сама тетрадка теперь походила на энциклопедию “Путеводитель по Таллину”.

– Какой смешной у тебя нимб над головой.

Тихий женский голос, похожий на журчание ручья, оторвал меня от тетради. Возле меня стояла молодая девушка лет двадцати в серой водолазке, тканевой юбке с небольшим узором и в чёрных колготках. На её шее было непонятное украшение странной формы из дерева, напоминавшее медальон. Яркости образу добавляли серьги с тёмным камнем, контрастирующие со светлыми волосами, опускавшимися до лопаток, а над ее губой была еле заметная родинка. Глаза чи-

стого голубого цвета широко смотрели на меня, а улыбка на лице и привлекала, и пугала. Незнакомка наклонила голову вбок, держа в руках потёртый рюкзак с турецким брелком в виде голубого глаза. И хоть она и стояла очень скромно, но её пронзительный взгляд заставлял смущаться. На миг мне показалось, что на мне нет одежды. Спрыгнув с подоконника, я быстро встал, закрывая лужу слякоти.

– Из-за солнца? – улыбнулся я.

Она молча кивнула как маленькая собачка.

– Ты бы мог сойти за святого. Подожди, не двигайся! – сделав фотографию на телефон, она тихо посмеялась, подбежала ко мне и показала, что получилось, а затем встала обратно и продолжила смотреть. – Безымянный святой призрак Гуманитарного Университета.

Ужасно неловко. Я даже не знал, как реагировать.

– Ну, хорошо... Спасибо за комплимент, наверное?

Вежливо кивнув, я собрался уходить, но знакомка хихикнула, прикрыла рот рукой и зажмурила на секунду глаза. Меня будто отправили в космос без скафандра, а передо мной был непредсказуемый пришелец.

– У тебя взгляд очень...

Девушка вновь подошла на пару шагов ближе, внимательно всматриваясь в моё лицо. Наконец, подойдя почти вплотную, она села на подоконник и продолжила рассматривать...

– Эм... У тебя с головой всё хорошо?

– Знаешь, в моём старом доме висела картина художника.

На ней рыжий мальчик собирал яблоки. Он был в одной рубашке и серых штанах. Вы с ним очень похожи.

– Так... может быть, я пожалею, что спрошу, но... Чем же я похож на парня с яблоками?

– Тягой к чему-то. Мальчик тянется к яблокам, чтобы сорвать урожай, и ты тоже тянешься к чему-то, но к чему – пока не знаю, – незнакомка слегка кокетничала.

– Да ну? – поинтересовался я играючи. – Допустим. Тогда где моё яблоко?

– Ты сам должен ответить на свой вопрос, глупый.

Слова её были странными, но говорила она тепло и непосредственно, а взгляд был очень милым. Когда она перестала меня рассматривать своими глубокими глазами, то вздохнула, протянула руку, погремев своими браслетами, и гордо представилась:

– Комарова Елизавета Геннадиевна, студентка второго курса факультета славянской и скандинавской культуры РГГУ! Приятно познакомиться.

Взглянув на лицо, затем на руку, я осторожно, но с любопытством ответил:

– Лёша. Жданов Лёша, студент третьего курса экономики.

В глазах Лизы появился немой вопрос.

– Экономического факультета РГГУ. Мы в одном вузе учимся, зачем уточнять?

– Кто знает? Вдруг ты здесь друга ждёшь? Или лектор – твой отец, а может, дедушка. Вариантов много, вопросов то-

же...

– И почему же ты именно ко мне решила подойти?

– Говорю же: нимб. Это – настоящий знак! – рассмеявшись, она облокотилась на стену и стала теревить один из браслетов. – А я вообще очень люблю сидеть и говорить с незнакомцами. От них можно узнать много интересного. Например, ты знал, что советское эскимо было самым вкусным мороженым? Не знаю, где его достать, но очень хочу попробовать!

– Если это тебе сказал какой-нибудь дед на остановке, то поверь мне: они все так говорят.

– Ой, только не говори, что тебе не хотелось бы попробовать! А что это у тебя?

Ткнув пальцем в заметки, я прикрыл их и убрал в рюкзак.

– Да так, ерунда...

– Она вырвала у меня тетрадь и пролистала пару страниц перед тем, как я взял её обратно.

– Ого! Какие красивые рисунки. Тебе бы в художники

– Ты же прочитать ничего не успела. И потом, кто тебе разрешил брать чужие вещи?

– Давно тетрадь ведёшь?

– Ну... Со вчерашнего вечера, но это неважно! Если ещё раз возьмёшь мои вещи, то...

– Не буду, если сам не дашь почитать!

Я неохотно посмотрел на неё. Лиза сидела напротив меня, наклонившись всем телом вперёд, и сверлила меня взглядом.

Её выходки и слова меня невероятно бесили, отчего у меня на лбу, кажется, вспухла вена. Но её детское поведение, любознательность, счастливое лицо и широкая улыбка... Будто она вовсе и не хотела меня выбесить, а ей вправду было интересно. Осторожно протянув руку, я передал ей рукопись. С каждой пролистанной страницей я готовился быть осмеянным, отчего моё сердце сжималось как губка. Но этого не произошло. Наоборот, она искренне удивлялась, смеялась и продолжала увлечённо читать. Странное утро какое-то, если подумать. Комарова вернула рукопись, а затем отвернулась, рассматривая плитку под ногами. В коридоре продолжал стоять шум. Вопрос “что это за девчонка и с какой планеты она свалилась?” железно поселился в башке. Рукой она дотронулась до своего ожерелья, что-то сказала про себя, вытянула руки и улыбнулась, взглянув мне в глаза.

– Спасибо большое, Жданов Лёша.

Робот с непонятными фразами, ей богу.

– За что?

– Как за что? Ты ведь поделился своей тетрадью. А ещё твоя позитивная энергия подняла мне настроение.

– Что ещё за энергия, о чём ты?

Она начала вертеть кольцо с рисунком, напоминающим солнце. Милая улыбка на лице пугала и очаровывала. Как ей это удаётся?

– Каждый человек излучает свою энергию, и он ею делится с окружающими. Плохой человек делится негативной

энергией, и наоборот.

– Ага, как же. Так и поверил. И как же этот “обмен электричеством” работает? – рассмеялся я.

И тут она внезапно схватила меня за руку.

– Аккуратней!

Прямо сейчас я передаю тебе положительную энергию.

– Каким образом? Пока что ты меня только пугаешь и вводишь в ступор, если быть честным.

Поправив волосы, Лиза искренне рассмеялась. Мне на миг стало весело.

– Когда человека держат за руку, он не чувствует одиночество, верно? Ты сидел на подоконнике в обнимку с книжками. Это может быть для тебя интересно, не спорю, но ты же не с друзьями, а один.

– Кто сказал, что мне нужны...

– На каком курсе, ты говоришь?

– На третьем, а что?

– Третий курс, а сидишь в гордом одиночестве уже целый час. Ну и странный же ты.

“Ну да, а человек, который хватает людей за руки и называет их святыми при знакомстве, вообще не странный”, – хотел было сказать я, но мысль так и осталась мыслью. Лиза продолжила.

– Ты нуждаешься в людях, как ни крути. И сейчас тебе уже не так тоскливо, – в этот момент она улыбнулась, убрала локон волос за ухо и отпустила руку. – Чувствуешь? Руке

стало холодно.

– Ну... Слушай, это какой-то бред, если честно.

– Любой может отвернуться от мысли, которая кажется ему сложной. А ты попробуй её принять. Вдруг она проще, чем кажется. А может, и вообще окажется полезной.

Ненадолго задумавшись, я уже хотел было похвалить её за интересную мысль, но она перебила, положив руку на плечо.

– Я всё обязательно расскажу, но позже. Пора на пары. Была рада с тобой познакомиться, Жданов Лёша!

Помахав рукой, Лиза Комарова так же странно и внезапно скрылась в толпе студентов, как и появилась полчаса назад. Это было самое странное знакомство, которое только можно было себе представить. Однако скрывать не стану, было весело. Да и частично она права: руке правда стало холодно, но это не вопрос абстрактной “положительной и отрицательной энергии”, а банальный теплообмен. Но рука у неё была приятной на ощупь. Мягкой и очень тёплой. Да и глаза у неё красивые.

На парах делать было нечего. Сегодняшней темой была инфляция: какой-то там рост, падение, рецессия... Всё это было жутко неинтересно. Я всегда садился за последние ряды в лектории, чтобы меня никто не трогал и, тем более, не спрашивал. Мы с преподавом давно, хоть и без договора, поняли друг друга: он ко мне не пристаёт, я ему не докучаю. За окнами шёл снег, и еле слышно завывал ветер. Аудитория ничем не отличалась от остальных, разве что стены белее, да

и доска новая, а вот парты с железным каркасом, окрашенным в красный, тяжелые двери, скользкие от слякоти ступени – вся эта картина одна и та же уже который месяц. Сидя за партой, я выписывал интересные факты из исторических справочников, параллельно подмечая незнакомые термины из английского языка. На первых рядах сидело человек двенадцать, не меньше, и только четверо из них что-то записывали и даже отвечали на вопросы. Фигура в коричневом костюме с длинными седыми кудрями, свисающими до подбородка, в больших очках с нелепой оправой и старыми ботинками по-прежнему ходила взад-вперёд, вертя кусок мела в руках. Голос был монотонный, скучный – как раз идеальный для того, чтобы на него не отвлекаться и спокойно выспаться. Именно препода по экономике, чьё имя и отчество я так и не запомнил, обеспечивал здоровый сон на парах в восемь утра. Огромное спасибо, препода.

Записывая очередную заметку про Домский собор, самый старейший в Таллине, на миг я затосковал от того, что всё в моей жизни уже который год повторяется. Преподы, пары, зачёты, сессии, возвращение домой и общение с людьми, заканчивающееся спустя два месяца. Где они сейчас? Имена даже с трудом могу вспомнить. И как только можно жить в мире, где тебе постоянно скучно? Разве что... Снова вспомнил тот блин с творогом. С момента переезда в Москву меня не воодушевлял ни огромный город, ни университет, ни то, чему обучаюсь. Словно меня поместили в ментальную клетку, от-

куда нельзя выбраться. Ты просыпаешься, ходишь в университет, иногда гуляешь по городу и вечером ложишься спать. Подумать только: целых три года я потратил на просиживание штанов. Насколько бы Лиза Комарова не показалась мне странной, она хотя бы искренне верит в свои слова. Да и пары она, кажется, не пропускает. Может, в её словах действительно есть что-то магическое. Вдруг мне и вовсе было суждено её встретить сразу после листовки? Я не верю в судьбу, но насколько же эти события вовремя произошли, чтобы пробудить во мне хоть какой-то интерес к жизни.

– Молодой человек, лекция давным-давно закончена! Прошу, покиньте аудиторию.

Монотонный голос препода прервал размышления, и я посмотрел вперёд.

– Алё, галёрка! Я говорю, покиньте аудиторию для другого курса! Жданов, оглох что ли?

Вещи быстро были собраны в сумку, стук ботинок о ступени гулким эхом отражался от стен. Бегло сказав “до свидания” и кивнув в сторону старика, я вышел из аудитории. Передо мной был тот же коридор и большой поток студентов. Они ходили парами, группами из трёх-четырёх человек или даже целой толпой. По некоторым с первого взгляда было заметно, что они донашивают одежду за старшими братьями, а кто-то, наоборот, расхаживал в самых трендовых вещах, но таких выпендрёжников на весь университет было очень мало. Внимание они приковывали знатно, чего они и

добивались.

– Друг, подскажи, где 112-я аудитория?

Паренёк в синей рубашке и тёмных брюках с каштановыми волосами, круглым носом и небольшими кудряшками встал слева от меня, держа в руках конспект. На лбу выступили капли пота, а от рук пахло дешёвым табаком.

– Понятия не имею.

Он побежал вверх по лестнице, но споткнулся и упал. Когда листы конспекта разлетелись в разные стороны, а первокурсник (то, что это был именно первокурсник, я понял сразу!) судорожно их собирал, я залился смехом, вытирая слёзы. Как он перескакивал с одной ноги на другую, ронял портфель, бил рукой по перилам от гнева... Это надо было видеть. Затем краем глаза я заметил знакомые волосы и серую водолазку на выходе. Надев куртку, я подбежал к ней и положил руку на плечо.

– А, Лёша! Рада снова тебя видеть.

– Да, привет. Ты сейчас выходишь из универа, да?

– Ты очень наблюдательный, – застёгнутый рюкзак и надетая после моих слов шапка дали ответ сами собой.

– Я тут подумал, не хочешь пойти...

– Да, почему нет? – её улыбка стала шире.

– Я... я ведь даже не сказал, куда.

– Не важно. Мир даёт возможность для приключений, почему бы ей не воспользоваться?

Мы пошли в сторону Новопушкинского сквера, где я ча-

сто проводил время летом, убивая скуку. Только теперь цветущая зелень сменилась снежным покрывалом. Сквер разделяли две дороги с оживлённым движением машин, а далеко впереди виднелось небольшое кафе, куда я очень сильно мечтал зайти, но у меня никогда не было денег, чтобы заказать хотя бы кофе. Облака были объёмными и тягучими. Окна домов, выходявшие на улицы, отражали солнце, дорогу, знаки и даже машины. Вдоль дорог стояли деревянные лавочки, а рядом – голые деревья с хлопьями снега на кривых ветках. Они казались мне одинокими. Прогуливаясь, мы с Лизой почти всё время молчали, и мне от этого было дискомфортно, поэтому я иногда пинал ногой плохо лежавшие камни; а вот Комаровой было вполне комфортно гулять в тишине, рассматривая дворовых котов, большие стаи голубей и прохожих.

– Жданов Лёша, можно я открою небольшую тайну?

– Только если перестанешь называть меня по фамилии.

– Вот как? Почему? Она тебе не нравится?

– А имя тебе на что? К тому же, это грубо. Это так, на будущее.

– Согласна. А знаешь ли ты, что у каждого имени есть особый тайный смысл? Моё, например, означает “обет Бога”, а вот был у меня знакомый...

– Просто не зови меня по фамилии, хорошо?

Я сказал слишком грубо, Лиза сразу изменила тон. Дурак.

– Хорошо, как скажешь, – ответ прозвучал очень тихо.

Мы прошли ещё несколько метров в молчании, только на этот раз она смотрела себе под ноги, а улыбка пропала с лица. Если я собираюсь грубить дальше, то зачем её вообще позвал?

– Извини меня. Это было грубо. Так что там была за тайна?

Лиза снова посмотрела щенячьими глазами, кокетливо отвела взгляд в сторону и вдруг протянула мне мизинец.

– Обещай, что никому не скажешь, – я согласился. – Ох, в общем, я не учусь в твоём здании. Меня там вообще быть не должно.

– Подожди, что? – удивился я.

– У меня кафедра на другой ветке метро.

– Как же ты тогда... Погоди, а зачем... Так, я немного запутался.

Лиза рассмеялась.

– Ну, я всем говорю, что учусь в университете, но не говорю, в каком именно здании.

В её хитрой улыбке было что-то зловещее и приятное.

– Так, хорошо, предположим. Тогда другой вопрос: зачем ты кочуешь по другим факультетам? Много свободного времени или слишком скучно?

– Студенты. От них я и беру энергию.

– Универ – что-то вроде места силы, понял.

– Да нет, не из-за здания. Как бы объяснить... Что для тебя счастье? Вот конкретно для Жданова Лёши.

– Ну, любой дурак знает, что такое счастье: даёшь машину поновее, квартиру пошире и зарплату побольше.

– Оно не в домах и, тем более, не в предметах. Вот взгляни на этих двух и скажи, кто счастлив больше.

Она указала пальцем, чуть не задев подбородок, на парочку, которая словно специально там стояла по воле случая. Из дорогого немецкого автомобиля в чёрном пальто вышел серьёзный бизнесмен с темными волосами и широкими плечами, гневно разговаривая с кем-то по телефону и направляясь в сторону продуктового магазина. А рядом с ним, возле стеклянной двери, стоял очаровательный дедушка, лет семидесяти, с усами, одетый в шубу из норки, шапку и валенки с советскими брюками на армейском ремне, держа в руках прозрачный пакет с мягким и, по всей видимости, ещё тёплым батоном хлеба, а на руке у него висел другой пакет, с конфетами.

– А что с ними? По мне, так мужчина более счастливый. Машину его видела? Эх, мне б такую...

– Согласись: дедуля выглядит беззаботным, не так ли?

Я пригляделся и заметил у деда на лице широкую улыбку.

– Хотя у него в руках только хлеб и немного конфет, да и одет он просто... – продолжала Лиза.

– Я бы даже сказал, бедно, – съязвил я.

– Какая разница? Он так радуется продуктам! Кто знает, может, к нему сегодня внуки в гости приедут.

– Допустим... А мужик, который из машины вышел?

– Подождём немного.

Лиза встала ко мне чуть ближе. Ждать пришлось недолго: мужчина тут же развернулся и пошёл в сторону автомобиля. В руке он держал пачку сигарет, которую распаковывал, не прекращая разговаривать по телефону, плотно прижав его плечом. Волосы мужчины зализаны назад, дорогие брюки были по колено забрызганы дорожной слякотью, на раскалённом лбу выскочили вены. Что именно он кричал в трубку, не понятно, но судя по красным глазам и резким движениям, он был очень недоволен. Курил нервно, махал руками как сумасшедший, а выронив пачку сигарет в лужу, он стал истерично топтать ногами. К этому времени дедушка уже давно дошёл до переулка и скрылся из виду. Последнее, что мы успели разглядеть с этого спектакля – громко захлопнувшаяся дверь иномарки, которая резко дёрнулась с места и уехала вдаль, игнорируя светофор. Лицо Лизы говорило: признай, что я права. Ехидная улыбка, прищур, лёгкое облизывание губ. Но гордыня так просто не сдаётся.

– Ну, возможно, у него плохой день. Да и потом: не все олигархи такие злые, да и дедушки с такой пенсией едва ли будут каждый день прыгать от радости.

– Вот именно! Люди разные, но все мы ищем свое место здесь. Может, этот олигарх хочет жить спокойной, хоть и бедной, жизнью, но не может, а потому – несчастен. Пойми, важно не то, сколько у тебя денег. Важно то, где ты себя чувствуешь счастливо.

– Университет разве подходящее место?

– Не совсем. Просто там больше всего мечтателей, а мечтатели с горящими глазами – очень счастливые люди. От них идёт такая сильная энергия, что заставляет тебя улыбаться этому миру и соглашаться на его авантюры, даже на самые безумные. Потому я и вышла с тобой.

Я сел на лавочку и глубоко задумался. Снег хрустел под ногами, а вдалеке дворник загребал его лопатой и вываливал в сугроб к дереву, после чего посыпал участок солью. Лиза села на лавочку рядом и стала пристально на меня смотреть.

– Знаешь, когда я смотрю на думающих людей, меня самую тянет на размышления.

Она закинула одну ногу на другую, покачивая сапогом в такт, потом отвернулась и стала наблюдать за снегирями на ветках берёзы. Солнце начало медленно садиться, спрятавшись за крышами, но небо все еще оставалось ярким. На улице по-прежнему было очень светло.

– Лиза, а как ты относишься к совпадениям?

– В смысле?

– Ну, когда в голове появляется мысль, а потом в жизни происходят некоторые события, и эту мысль ты обдумываешь снова и снова. И всё будто по сценарию, одно за другим. Снова ослепительная улыбка.

– Это не совпадения, а вселенная упорно хочет что-то сказать.

– Думаешь? – откуда взялась эта дрожь в голосе?

– Уверена, Лёша.

Посмотрев на часы, она встала и поправила причёску. Мы обнялись, я проводил её до остановки, а затем наблюдал, как она махала мне рукой из уезжающего автобуса. Странное, но очень приятное знакомство.

Домой я возвращался в темноте и не мог думать ни о чём другом, кроме слов Лизы Комаровой. Сидел у окна полупустого автобуса в самом конце, чтобы никому не мешать, упираясь ногами в соседнее кресло. Я следил за светом от согнутых фонарей, машины проезжали, автобус скрипел и шипел, покачиваясь влево-вправо, в салоне было холодно. Постоянное движение автобуса успокаивало, и я думал только об одном: а может, это и есть послание? Что, если сегодняшняя встреча с Лизой и моя тайная затея – и правда послание, которое мне хочет донести некая вселенная? Матвею скажу – будет ржать всю ночь напролёт, я знаю.

Я вышел на улицу. Уверен, звёзды над головой были бы ярче, если бы кто-нибудь отключил фонари хотя бы на час. Дорога стала более скользкой, когда я подходил к дому. Меня остановил дворовый кот, взобравшийся на мусорный бак. Серая шерсть, тощее тело, грациозные лапы, прямая спина, большая морда и зелёные глаза. Он гордо прошёлся по баку и подошёл поближе, вальяжно передвигая лапами и не отводя взгляда. Затем он сел, начал вилять хвостом, пока продолжал на меня смотреть. “У меня ничего нет, извини”, – подумал я, после чего улыбнулся и протянул руку, чтобы погла-

дить. Кот не стал убежать или противиться, к моему удивлению, а наоборот: вытянул голову, зажмурился и начал мурлыкать. Каждое прикосновение к холодной влажной шерстке делало кота более ласковым, пока он наконец не вытянулся полностью и разлёгся. Почесав ему брюшко, я убрал руку в карман и направился домой. Обернувшись, кота я уже не увидел, но из темноты донеслось благодарное мяуканье.

Преодолев в несколько шагов лестничный проём и приложив кучу усилий, чтобы открыть входную дверь, я оказался дома. Как только я закрыл дверь на ключ, я тут же понял, что что-то не так. В квартире было необычно чисто, очень тепло, а ещё... Стоял вкусный запах. У нас в квартире? Я, может, этажом ошибся?

– Леха, лентяй года 2007! Давай быстрее разувайся и дуй на кухню. Помогать будешь.

Раздевшись и повесив куртку на советский крючок, я вбежал на кухню и застыл в полном удивлении. При ярком свете в фартуке стоял Матвей, его руки были в муке, на столе лежала доска, а рядом с ней – пустая стеклянная бутылка, тоже в муке. Неподалеку стояла кастрюля, а на самой доске лежало то, что мы, видимо, будем сегодня готовить.

– У нас же есть пельмени в морозилке, разве нет?

Матвей удивился, заглянул в морозилку, и стал громко смеяться.

– В натуре, в морозилке. Ну, не каждый день получаешь премию от Палыча.

– Палыч и премия? Я скорее поверю, что ты уволился.

– Так, умник, надевай фартук и бегом сюда, научу делать тебя настоящие деревенские пельмени, – я надел фартук и подошёл. – Значит так, все очень просто: на мне тесто – на тебе сами пельмешки. Вот кастрюля с мясом и луком, уже посолено.

Рядом с кастрюлей стояла грязная мясорубка. Каждое своё наставление Матвей подкреплял подробной демонстрацией.

– Берёшь мясо, вот так, двумя пальцами, в руке скатываешь в шарик, выкладываешь. Затем берёшь вот эти диски из теста, раскатываешь, кладёшь и вот так зацепляешь, – он дал мне получившийся пельмень в руки. – Вопросы есть?

– Только один, товарищ генерал. Сколько новобранцев отправится в кастрюлю?

– До тех пор, пока фарш не кончится. Что не съедим – отправим к братьям. Ах да... Можешь сказать спасибо позже.

– За что? – удивился я.

– За что? Я тебе дверцу шкафа в комнате починил. Только умоляю, открывай аккуратно, не со всей дури.

– Ну, Матвей, даже не знаю...

– купишь бутылку кваса, как будет время. А теперь давай, не отлынивай!

– Так точно, товарищ генерал!

На самом деле я был даже рад такому сюрпризу. Не пото-

му, что не ел почти весь день, а потому, что мог сейчас не забивать себе голову всякими вопросами, что судьба, а что нет. Пельмени лепились легко, и в скором времени вся доска была украшена маленькими пухляшами. Сегодня Матвей был особенно весел: интересовался, что я делал в универе, сколько пар отсидел, было ли что-нибудь необычное, но кроме лоха с сигаретным дыханием, знатно упавшего с лестницы, я ничего вспомнить не мог. Вскоре мы оба смеялись.

– Чё, прям при всех?

– Ага.

– И учебники покатались? Как в каком-нибудь фильме Гайдая?

– Это надо было видеть, брат. Это надо было видеть. Ну, а ты как? Когда успел мясо купить?

– Дак это, у грузина твоего сторговался. Говорит: “Ты знакомый его, слушай. Он хоть парень ленивый, но торгуется горячо, как настоящий джигит!” Я и взял. У тебя ж там мясо хорошее? Не хочу потом ночевать на фаянсовом троне.

– Хитрый старый жук. Меня, значит, гоняет туда-сюда, ящики таскать заставляет, а тебе он почти даром дал кусок мяса!

– Но-но-но! Деньги были уплачены! И потом, отказываться от халявы, особенно нам, нельзя, – он схватил меня за руку и начал кричать. – Да кто ж так пельмени лепит! Ты что, лепишь их, чтоб слона прокормить?

Я посмотрел на те два десятка, что слепил сам.

– А что не так?

– Да они размером с шайбу. Проглотишь – подавишься. Лепи меньше, не стрелять же ими из рогатки. Экономия, Лёха. Э-ко-но-ми-я!

– Кайф обломал!

Погода за окном стала спокойнее. В темноте скрылись голые кроны деревьев, белоснежные лужайки и дорожная грязь. Оставались только дома-муравейники напротив. Кто-то безмятежно читал, сидя в тёплом кресле и попивая горячий чай, кто-то продолжал усердно работать за компьютером, а в самой верхней квартире горел голубой светильник со звёздами. Комната ребёнка, подростка – не важно: смотрится очень красиво. Руки были в муке по локоть, в кистях ощущалась ноющая боль, тесто прилипало к пальцам, отчего приходилось периодически мочить руки в стакане с водой. Будь у меня масло – было бы проще. Матвей перестал лепить тесто где-то спустя двадцать минут, затем встал у плиты. От запаха варёного мяса живот перекрутился и начал урчать как кашалот.

– Фух... Многовато работы.

– Опять отлыниваешь!

– Да фарш кончился. Наконец-то...

Деревянный стул у окна стал отличным местом отдыха. Руки свисали, ноги расслаблены, я истощён.

– Вот это отдых, – выдал Матвей, мешая пельмени.

– Стоять и два часа лепить пельмени – отдых?

– Это лучше, чем восемь часов кряду двигать ящики до ржавого драндулета. Да, тебе письмо пришло.

– От кого? От Деда Мороза? Объясняет, что в этом году Почта России задержит мои подарки?

– Сходи проверь, не ёрничай!

Тяжело вздохнув, я с недовольным лицом зашёл к себе в комнату. Сверху шкафа свисал пыльный ковёр, который поселился тут ещё до того, как я с Матвеем съехался. По словам Игната Захаровича, хозяина, он получил этот ковёр вместе с квартирой, но даже человек-сплетник, который готов засунуть свой нос в любую ссору, не притронулся к ковру. Кровать не застелена, подушка стоит у стены, на столе – бумаги вразброс. Поставив рюкзак, я проверил стол. В центре действительно лежало неоткрытое письмо. Ничего острого у меня не было. На конверте стояла необычная печать, а прописные буквы соседствовали с печатными.

“ГРАЖДАНИНУ Жданову Л.В.

В соответствии с Федеральным законом “О воинской обязанности и военной службе” Вы подлежите призыву на военную службу и обязаны 4 апреля 2007г. к 09:40 явиться в ОВК по адресу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.